

Озорной детектив

Елена Логанова

“Суперклей
для разбитого
сердца”

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Суперкле́й для разби́того се́рдца

«ЭКСМО»

2005

Логунова Е. И.

Суперклей для разбитого сердца / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2005 — (Индия Кузнецова)

Индии Кузнецовой «повезло» с самого рождения: с именем и старшим братом. И если мамулин заскок еще можно замаскировать под «Инну», то братец решительно не поддается исправлению: Казимир по заказу нового русского добыл раритетный немецкий шкаф «Хельга», который взял да и пропал прямо из квартиры Кузнецовых. Казалось бы, чего проще – найти такой же. Но у Индии и Казимира, кажется, завелись конкуренты! Таинственные охотники за шкафами все время болтаются где-то рядом и строят козни! Но из-за чего такой ажиотаж? Уж не устроил ли какой-нибудь шутник в одной из «Хельг» тайник с сокровищами?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Логунова

Суперклей для разбитого сердца

Глава 1

Итак, Хомкин меня бросил!

Бросил безжалостно, грубо и цинично!

Объявил о разрыве в ресторане, в присутствии своей новой пассии и официанта, который реял стервятником, подстерегая момент, чтобы вырвать у меня тарелку.

Прочие приборы со стола уже убрали. Подозрительно косясь на официанта, я придвинула к себе салатницу с остатками необыкновенно вкусного оливье и методично заработала ложкой. Зная, что за еду Хомкин заплатит сполна, я считала себя вправе съесть все, до последней крошки. Могу даже вылизать эту салатницу, если захочу! Я девушка без комплексов.

Я уже приготовилась тщательно вытереть стенки посуды хлебной корочкой, и тут Хомкин трагическим голосом сказал:

– Все, Инесса! Сегодня мы с тобой обедали в последний раз.

В первый момент я подумала, что Хомкин собрался сесть на строгую диету – с него станет! – и легкомысленно ответила:

– Ну, мне-то худеть не надо!

При этом я с прозрачным намеком посмотрела на девицу, которую Хомкин зачем-то притащил с собой и представил мне как свою новую секретаршу. Девица была на голову ниже меня, а весила килограммов на пять больше. Правда, избыточный вес у нее был сосредоточен в основном в области грудной клетки и в районе седалища: декольте выглядело так, словно в него затолкали пару воздушных шаров, и еще пара спряталась сзади под юбкой. В сочетании с кумачовым цветом платья это придавало секретарше очень праздничный, первомайский вид. Я прищурилась, вообразила, как она торжественно и величаво проплывает мимо украшенной флагами трибуны, и ухмыльнулась. Эта красноречивая девица одна могла заменить собой целую колонну ликующих демонстрантов!

– Инесса, мы с тобой расстаемся навсегда! – с нажимом сказал Хомкин и, чтобы смысл его слов стал мне еще понятнее, приобнял секретаршу за пышные плечи.

Первомайская демонстрация в моем воображении моментально превратилась в похоронную процессию. Пальцы, крепко сжимавшие край салатницы, дрогнули и выпустили посудину. Официант тут же подхватил ее и с радостным клекотом унес прочь.

Я нахмурилась, тяжело взглянула на Хомкина и побарабанила освободившимися пальцами по столешнице, безмолвно требуя объяснений.

– Я женюсь! – сообщил Хомкин, трусливо прячась за свою секретаршу, которая воинственно выпятила грудь, заняв ею почти половину стола.

– Не на мне? – на всякий случай уточнила я.

Хомкин замотал головой так яростно, словно его атаковал пчелиный рой. Мисс Первое Мая ехидно ухмыльнулась.

В этот момент я оценила, с каким расчетливым коварством Хомкин выбрал время для объявления о нашем разрыве. На столе, с которого убрали всю посуду, не было ничего подходящего для прицельного броска в физиономию подлеца. Не стулом же его бить! Хотя...

Я с особым интересом взглянула на соседний – пустой – стул, и Хомкин, успевший неплохо узнать меня за полгода более или менее бурных отношений, поспешно сказал:

– Я хочу, чтобы мы расстались друзьями!

– Ты бы лучше спросил, чего хочу я! – Я зловеще цыкнула зубом, и хомкинская новая подруга немного втянула бюст, убрав его подальше от моих оскаленных челюстей.

– А чего ты хочешь? – послушно спросил Хомкин.

– Много чего, – честно призналась я.

Я хотела немедленно, здесь и сейчас, задушить мерзавца своими собственными руками. Я хотела стянуть с соседнего стола остро заточенную вилку и потыкать ею в надувное декольте его новоиспеченной невесты. Наконец, я очень хотела съесть уже заказанный десерт с многообещающим названием «Огненный рай», но не могла ждать, пока его принесут, в компании Хомкина и его будущей вайф, так как из последних сил боролась с желаниями номер один и номер два (смотри выше). Таким образом, получалось, что этот гад оставил меня без сладкого! Я поняла, что не прощу его ни-ко-гда!

Я со скрежетом оттолкнула стул, поднялась над столом во весь рост и высокомерно бросила надувной девице:

– Завещаю вам это ничтожество, – я кивнула на покрасневшего Хомкина, – и мой высококалорийный десерт. Кушайте, вам же нужно поддерживать в должной форме свои аэростаты!

Я кивнула на девицино декольте – это вполне могло сойти за прощальный поклон, – и удалилась, громко цокая каблуками.

Уже в такси я осознала, что меня обуревают еще одно могучее желание – реветь белугой и рвать на себе волосы, и уж в этом я себе не отказала. Правда, шевелюру свою я проредила чисто символически, хоть и взлохматила основательно, зато парадное лицо, вдохновенно нарисованное перед свиданием с неверным возлюбленным, размазала до состояния шедевра абстрактной живописи. Наверное, поэтому таксист, высадив меня у подъезда, невероятно быстро умчался прочь, даже деньги не пересчитал.

Зеркала в лифте не было давным-давно, и это избавило меня от лишнего стресса, но мамуля, открыв мне дверь, громко ахнула, сокрушенно покачала головой и спросила:

– Бросил?

– Бросил, – жалко шмыгнув носом, подтвердила я.

– А я всегда предупреждала! – изрекла мамуля.

Она высоко подняла голову и удалилась по коридору. Я вздохнула. Мамуля действительно всегда предупреждала, что Хомкин меня бросит. Впрочем, она также всегда предвещала папулину смерть от обжорства, собственную скорую и неминуемую гибель от нервного истощения, Зямину кончину от злоупотребления плотскими радостями жизни и, наконец, массовый падеж всех членов нашей семьи от сезонной бескормицы, вызванной хронической задержкой издательством мамулиных гонораров. Она у нас сочиняет страшные истории, которые читатели раскупают, как горячие пирожки. У нее невероятно высокий рейтинг популярности среди окрестной детворы: стоит только мамуле выйти во двор, как вокруг нее собирается толпа малолеток, охочих до страшилок. Папуля порой надрывает горло до хрипа, пытаясь дозваться женушку с вечерней прогулки. Она может до глубокой ночи сидеть на бортике песочницы, испытывая на юных добровольцах крепость сюжета нового ужастика.

– О, Индюшечка пришла! – выглянул из кухни покрасневшийся папуля. – Ты попробуешь мой новый шедевр, детка? Я приготовил курицу с бананами и ананасами.

Папуля у нас великий кулинар. Он изобретает рецепты новых кушаний для иллюстрированного журнала «Очаг и жаровня», и большинство блюд вполне можно есть. Хотя бисквитному пирогу-шарлотке с маринованными луковками в ходе внутрисемейной дегустации высокую оценку поставил только Зяма, которого в тот момент мучило похмелье.

– Курица с бананами и ананасами? – с сомнением повторила я, не спеша к столу.

– И еще четыре вида домашнего мороженого! – крикнул папуля из кухни.

– Это меняет дело, – согласилась я.

Скинула туфли, бросила на пол сумку, прошла в ванную и с глубоким удивлением уставилась на свое отражение в зеркале. М-да... Душевная драма налицо, вернее, на лице! Я кое-как причесалась, смыла размазанную косметику и сделалась похожа на трагическую маску для древнегреческого театра.

– Маска, маска, я вас знаю! – острым глазом художника уловив сходство, радостно приветствовал мое появление в кухне Зяма.

Он с аппетитом ел мясо со сложным гарниром из щедрых даров африканской земли. В куцей бороденке Зямы застряли хлебные крошки. Я поморщилась и бочком, словно нехотя, опустила на стул, который подставил мне заботливый папуля.

Мой старший брат Казимир – художник, дизайнер по интерьеру. Он считает себя гением и убежден, что это очевидно по его внешности. У Зямы короткая узкая бороденка, серебряная серьга в ухе и прическа вроде той, от которой я сама только что избавилась с помощью воды и расчески с редкими зубьями.

– Май систер, ты что-то бледна! – с неподобающей случаю веселостью заметил Зяма.

– Как нетронутый снег на забытом погосте! – с завыванием добавила мамуля, входя в кухню с пустой тарелкой.

Папуля, не дожидаясь просьбы, положил ей добавки, и мамуля без промедления удалилась в свою комнату. У нее горел синим пламенем сценарий короткометражного фильма ужасов, который следовало сдать заказчику еще на прошлой неделе.

– Сегодня мамулю не посетила муза, – шепотом уведомил нас папуля.

Мы с Зямой синхронно кивнули: мол, понятное дело! Мамулина муза огорчительно непунктуальна и посещает подшефную писательницу крайне нерегулярно. В дни, когда муза блещет своим отсутствием, мамуля становится невыносима. Вместо того чтобы выплеснуть свои пугающие фантазии на бумагу, она щедро дарит страхи и ужасы окружающим. Только на прошлой неделе, когда капризная муза опять где-то заплутала, мамуля поймала во дворе председательшу нашего домового комитета Тамару Павловну и, остановившимся взглядом глядя мимо ее плеча, зловещим голосом произнесла:

– Я вижу белые-белые тапочки... Это ваши?

Несчастливая председательша побелела так, что посрамила цветом своего лица упомянутую обувь, сотворила крестное знамение и с визгом убежала. Она так и не узнала, что мамуля говорила с ней всего лишь о свежевystиранных белых чешках, которые Тамара Павловна только что собственноручно прищепила на веревку!

– Так что с тобой случилось, детка? – спросил меня папуля.

– Увы мне, я рассталась с Хомкиным, – скорбно пояснила я ему и азартно чавкающему Зяме.

– Ну, и черт с ним! – Папуля ласково чмокнул меня в мокрую макушку. – Все равно он никому из нас не нравился!

Это прозвучало так, словно мое семейство забаллотировало Хомкина после дегустации. Я кровожадно усмехнулась, представив хорошо прожаренного Хомкина, украшенного розетками из овощей и с печеным яблоком во рту... Выглядит не слишком аппетитно.

– Попробуй-ка это! – сказал папуля, подсовывая мне под локоть тарелочку с чем-то гораздо более симпатичным, чем жареный Хомкин.

Я почувствовала, что мое горе отступает. Оно, конечно, еще вернется, но не раньше, чем я съем весь папулин пломбир!

Я взяла серебряную ложечку и сосредоточилась на этом процессе.

У земляничного пломбира был приятный вкус с легкой кислинкой, а миндальный чуточку горчил, но это не помешало мне съесть оба шарика и даже тщательно подобрать подтаявшее мороженое ложечкой.

– Умм! – Я на секундочку закрыла глаза, потом снова открыла их и деловито перевернула креманку.

В вазочке еще оставались два шарика: фисташковый и шоколадный, и останавливаться я не собиралась.

– Как ты можешь столько есть? – скривил губы Зяма.

Это означало, что сам Зямочка уже до такой степени объелся папулиной курочкой с африканской ботвой, что на мороженое у него просто нет сил.

– Я не ем, а провожу сравнительную дегустацию, – добродушно ответила я. – Выясняю, какое мороженое вкуснее, чтобы в следующий раз взять полную порцию.

– Ну, с добавкой ты не удержишься, правда? – Зяма иронично посмотрел на меня поверх чайной чашки и, неожиданно подобрев, объявил:

– Дорогие мои, хочу поделиться с вами своей радостью. Представьте, я наконец-то нашел Хельгу!

Я задержала во рту комочек мороженого. Не для того, чтобы лучше прочувствовать вкус уже протестированного мной земляничного пломбира, а чтобы не ляпнуть чего лишнего. Понятия не имела, что Зяма ищет какую-то Хельгу! Да кто она такая?

– Я долго искал ее, – в ответ на мой невысказанный вопрос признался брат. – Последние три месяца Хельга была моей розовой мечтой!

Я немного огорчилась. До сих пор у меня были все основания считать, что идеалом женщины для братца являюсь я сама. Во всяком случае, Зяма не раз говорил, что был бы рад, если бы я приходилась ему не сестрой, а женой. Мол, с супругой он всегда мог бы развестись, а родная сестра – это, увы, пожизненное наказание. Я всегда думала, что за грубостью Зяма скрывает свое восхищение моими многочисленными незаурядными достоинствами. А тут вдруг какая-то Хельга!

Интересно, как она выглядит? Если судить по имени, это должна быть долговязая блондинка, шведка или датчанка, голубоглазая дылда типа Умы Турман или Бриджит Нильсен. Я вообразила себе белокурую девушку гренадерского роста, в шерстяном свитере с оленями, с лыжными палками в руках и снегоступами на ногах. Боже, что могло понравиться Зяме в такой вульгарной особе? Я гораздо интереснее! Правда, не очень похожа на Сольвейг и вовсе не умею ходить на лыжах. Но рост у меня для женщины вполне приличный – сто семьдесят пять сантиметров, к тому же совсем недавно я в очередной раз перекрасила волосы и стала блондинкой.

– Эта Хельга – она из Скандинавии? – спросил папуля, повязывая непромокаемый передник и перемещаясь к мойке, забитой грязной посудой.

– Из Германии, – ответил Зяма, передав папе еще одну невымытую чашку – свою собственную. – И в полной мере обладает всеми немецкими достоинствами!

«Значит, эта Хельга вкусно готовит, фанатично наводит порядок в доме, дрессирует многочисленных детей и истово молится в кирхе», – подумала я и еще больше приуныла. У меня пока нет детей, я не набожна, не слишком аккуратна, а приготовлением пищи в нашем доме занимается исключительно папуля. Да, на настоящую арийку я не тяну!

– А как она выглядит? – не без ревности спросила я братца.

– Выглядит она превосходно! – Зяма мечтательно прищурился. – Представьте: вся такая шоколадная, стекла в золоте, и для своих лет замечательно сохранилась!

Я тихо охнула. Выходит, тайная мечта моего брата – пожилая мулатка-очкарик?! Я уже открыла рот для вопроса, но папа меня опередил.

– Сколько ей лет, ты сказал? – громко, перекрикивая шум льющейся воды, спросил он Зяму.

– Разве я говорил? Что-то около тридцати, – Зяма потихоньку подтащил к себе забытую мной креманку с остатками мороженого.

Я на этот разбой не обратила внимания. Стало быть, его возлюбленная мулатка еще далеко не старушка...

– Мне ее долго не отдавали, потому что какой-то другой парень обещал дать больше, но я твердо решил, что заполучу ее во что бы то ни стало! – уплетая мой пломбир, трещал разговорившийся Зяма.

Мне сразу же захотелось узнать, откуда именно Зяме не отдавали его шоколадную красотку. Может, она томила в каком-то гареме? Или даже в борделе?

– Денег у меня больше не было, так что я даже начал прикидывать, как бы мне ее украсть, но тут эта тетка, хозяйка Хельги, неожиданно сдалась, – продолжал Зяма.

Я укрепила в мысли, что близорукая мулатка была узницей публичного дома, и прониклась уважением к братцу. Он, конечно, беспутный малый, но какой темпераментный!

– Зяма, эта твоя история с Хельгой – просто сюжет для бразильского сериала! – сказала я.

Зяма поморщился: в отличие от меня, он никогда не смотрит «ля фильма латина». А вот я время от времени смотрю, чтобы выяснить, что за блюдо латиноамериканской кинематографической кухни предложено телезрителям на этот раз: простое мыло, жидкое мыло, гель для душа или шампунь без слез. Это моя собственная классификация сериалов по степени слезо-выжимания и душераздираемости.

– Пойдем, я тебе ее покажу! – Зяма вскочил и потянул меня за руку.

– Зяма! Ты так сразу притащил эту жертву расовой дискриминации в наш порядочный дом?! – Мое восхищение Зяминым темпераментом превратилось в возмущение его глупостью и безответственностью.

– Что ты мелешь? – Братец подтащил меня к двери своей комнаты, вдруг охнул, согнулся пополам и убежал в туалет.

– Может, курица была чуток жирновата? – озадаченно почесав в затылке, где еще сохранилось немного волос, спросил папа.

И принялся вслух рассуждать, что будет, если заменить инородные русскому организму бананы и ананасы привычной картошкой и яблоками. Не слушая его, я толкнула дверь в комнату брата. Она была заперта. Тогда я опустилась на корточки и прищелкнула глазом к замочной скважине.

В темноте за дверью призрачно белело нечто весьма объемное, вроде пододеяльника, который сначала раздуло ветром, а потом крепко прихватило морозом.

– Что за чертовщина? – воскликнула я.

– Дай-ка! – папуля ловко потеснил меня и тоже заглянул в скважину. – Хм... Может, это мамина муза ошиблась комнатой?

Я призадумалась.

Муза – вдохновительница ужасиков, по идее, должна иметь наружность настоящего монстра. Возможно, это крупногабаритное привидение действительно ошиблось адресом и попало вместо мамы к Зяме?

– Басенька, выйди к нам! – возвысил голос папуля.

Бася, то есть Барбара, она же Варвара по паспорту – это наша мамуля. На зов она величественно выплыла в коридор и коротко спросила:

– Ну?

– Взгляни, пожалуйста, это не твое? – попросил папуля, уступая супруге место у замочной скважины.

– Я смотрю, все в сборе и готовы к презентации? – из туалета вышел повеселевший Зяма. – Секундочку, сейчас я открою. Вуаля!

– Гос-с-поди! – прошептала мамуля.

Папуля закашлялся, подавившись восклицанием, а я молчала. У меня просто не было слов!

Посреди Зяминой комнаты высился объект, конфигурация которого идеально подпадала под определение «поперек себя шире». Он был укрыт белой простыней, из-под которой торчали тонкие коричневые ножки, непристойно широко расставленные. У меня промелькнула мысль, что на сей раз Зяма сильно переборщил со своей любовью к крупным формам! Хотя ножки для такой массивной туши откровенно тонковаты, похоже, наша мулатка не отличается пропорциональностью фигуры...

– Вуаля! – Зяма щелкнул выключателем, и в комнате зажегся свет. – И еще вуаля! – братец широким жестом сдернул маскировочную простыню.

Вздых облегчения вырвался из моей груди.

– Твоя Хельга – шкаф?! – изумился папуля.

– Не просто шкаф, а настоящее сокровище! – с чувством вскричал Зяма.

Он сдул с полированной поверхности невидимую пылинку, потер стекло манжетой рубашки, полюбовался сверкающей золотой решеткой и гордо обернулся к нам:

– Ну, что скажете?

Мне хотелось сказать, что я очень рада тому, что мне не придется жить под одной крышей с темнокожей беженкой из дома терпимости, но Зяма меня не понял бы. Поэтому я осторожно сказала:

– Очень миленький шкафчик. Только не вполне гармонирует с общей обстановкой.

«Не вполне гармонирует» – это еще мягко было сказано! Апартаменты моего брата – это его визитная карточка дизайнера. Апофигей художественного вкуса! Стены в комнате выкрашены в разные цвета и в самых неожиданных местах зияют нишами, которые лично мне неприятно напоминают о колумбарии. На дощатом полу в строго продуманном беспорядке валяются дегенеративные меховые коврики, которые формой и фактурой напоминают дохлых кошек, но выскакивают из-под ног, как живые. Из предметов мебели я могу с полной уверенностью опознать только стеллаж и тахту.

– А мне нравится! – объявил папуля. – Сразу видно, с чем имеешь дело: определенно это шкаф!

Я ухмыльнулась. Папуля по своей дизайнерской безграмотности однажды неосторожно присел у Зямы на какой-то оригинальный осветительный прибор, перепутав его с табуреткой, и с тех пор заходит в комнату сына со своим складным стульчиком. Специально оставляет это сидячее место в углу прихожей, вблизи Зяминой двери.

– Мама? – брат требовательно посмотрел на мамулю.

– Дежавю! – сказала она и воззвала к папе: – Борис, неужто ты позабыл? Лет тридцать назад, еще на старой квартире, у нас с тобой был почти такой же шкаф, потом мы отдали его Грушкиным, и они изрядно намучились, спуская эту одороблу с пятого этажа без лифта...

– У вас была «Хельга» – и вы от нее избавились? – не поверил Зяма. – Сумасшедшие! Вы знаете, сколько она сейчас стоит?

– Сколько? – с острым интересом спросила я.

Зяма подозрительно замаялся:

– Ну... Пантюхину обошлась в копеечку!

– Так это шкаф для Пантюхина? – сообразила я. – Тот самый крупный предмет интерьера, который должен держать на себе все организованное пространство комнаты?

Я цитировала Зямыны собственные слова наизусть, потому что про Пантюхина и его эпикальный заказ братец уже прожужжал мне все уши.

Семен Пантюхин, известный в определенных кругах как Сема Понт, к пятидесяти годам сколотил капитал на торговле бензином, получил все блага жизни оптом и начал испытывать ностальгию по «старым временам». Не настолько старым, как древнеегипетские фрески, всего лишь по отечественному «застою». Смутно тоскуя по очередям за разливным «Жигулевским», вареной колбасе «по два двадцать», умильной передаче «Радионяня» и трансляциям футбол-

ных матчей с комментариями Озерова, делец выделил в своем многоэтажном белокаменном особняке специальное помещение под Музей жизни и быта юного Семена Пантюхина. Просторную комнату специально перепланировали, чтобы имитировать малогабаритную двухкомнатную «хрущевку», а Зяму пригласили оформить интерьер соответственно эпохе.

Ох, и намучился мой братец с этим заказом! Он лично искал на складе неликвидов печатной фабрики бумажные обои в страшенький разлапистый цветочек и потом внимательно наблюдал за их наклейкой. Он сам прибавал к стене аляповатый ковер «Русская красавица» и вешал на него мехового утенка, совмещающего функции украшения и сумочки для детской пижамы. Он обегал все комиссионные магазины в поисках подходящей мебели и жутко радовался, выклянчив у знакомой старушки тонконогий журнальный столик с выдвижным ящиком неизвестного назначения. Понятно, что обретение шкафа «Хельга» в хорошем состоянии привело Зяму в состояние, близкое к эйфории.

Я решила, что не буду портить брату удовольствие от праздника, имя которому «Хельга», и удалилась в свою комнату. Мне нужно было склеить свое разбитое сердце.

В отличие от Зямы, я не претендую на художественное оформление интерьера, и моя комната обставлена и декорирована довольно бестолково и разностильно, но мне в ней хорошо и уютно. Забравшись с ногами в огромное кресло, похожее на облезлого плюшевого медведя, я укуталась пледом и пустила слезу. Правда, больше, чем одну-единственную, я выжать из себя не смогла. Честно говоря, Хомкин никогда не был моей великой и единственной любовью, и в глубине души я даже радовалась тому, что мне не придется весь остаток жизни лицезреть его тусклую физиономию. Пусть его мордой, похожей на маслянистый блин, любитесь надувная секретарша!

В соседней комнате бубнили голоса. Мамуля разглядела на дверце шкафа инкрустацию – изображение вставшего на дыбы единорога – и сочла это очень дурной приметой. Она авторитетно сообщила Зяме, что единороги терпимо относятся только к невинным девам, а молодых и полных сил мужчин – таких, как он сам, – терпеть не могут и всячески им вредят. Посему мамуля настоятельно рекомендовала Зяме подготовиться к ужасным бедам и испытаниям и с тем удалилась на вечернюю прогулку. Я понадеялась, что где-нибудь во дворе ей все-таки встретится загулявшая муза кошмаров и страшилок, и она наконец выйдет из роли грозной пифии.

Родственники уgomонились, в доме стало тихо. Чтобы успокоиться и отвлечься, я немного почитала книжку, выбрав томик Уэстлейка: сто раз читанный «Проклятый изумруд» неизменно заставлял меня смеяться, и вдобавок в сюжете этого замечательного произведения не было ни одной любовной линии. Описание какой-нибудь жаркой постельной сцены в этот момент могло меня сильно расстроить.

За окнами окончательно стемнело, поэтому я выключила торшер и зажгла верхний свет. Тут же в дверь поскребся папуля. Спросив, не сплю ли я – это при полной-то иллюминации! – он предложил мне попробовать безалкогольный фруктовый коктейль. Вероятно, ингредиентами для витаминного напитка стали ананасы и бананы, оставшиеся после приготовления курицы.

Подумав, я решила все-таки пригубить папулино фруктовое пойло, но не успела. В прихожей я услышала частый энергичный стук.

– Я открою! – сообщила я выглянувшему из кухни папуле и открыла дверь.

За дверью никого не было. Вернее, я никого не увидела, потому что стучавший находился существенно ниже линии моего вопросительного взгляда. Я пожала плечами и хотела уже захлопнуть дверь, но тут снизу послышалось громкое и отчетливое, хотя и довольно бессмысленное восклицание:

– Gay!

На резиновом коврикe сидела собака породы бассет-хаунд: здоровенный пес, очертаниями смахивающий на крепкую садовую скамью на кривых ногах. В зубах пес держал шляпу.

– Дожились! – сокрушенно воскликнул папуля, который не удержался и прибежал посмотреть, кто это облаивает его дочурку. – Уже собачки подаения просят! Индюшечка, у тебя есть мелкие деньги? Я думаю, надо подать собачке на «Педигри-пал»!

В подъезде послышались тяжелые шаги, из-за поворота лестничного марша выбежал мужчина в спортивном костюме. Он тяжело дышал и прижимал руку к сердцу – не думаю, что это было вежливое приветствие, адресованное нам с папулей. Скорее мужик запыхался, взбежав на наш седьмой этаж без лифта. В другой руке он сжимал собачий поводок.

– Барклай! – сердито выдохнул бегун-высотник. – Сколько раз тебе объяснять, в этом доме есть лифт!

– Это ваша? – спросил папуля, указывая на собаку.

Он уже успел приготовить десятку и теперь мешкал, не зная, опускать ли ее в собачью шляпу. Хозяин Барклая не производил впечатления бедствующего, костюм на нем был новый, модный, кроссовки дорогие. Как-то не похоже было, что он приоделся на собачьи подаения.

– Нет, это ваша! – ответил незнакомец.

Он приблизился к открытой двери и с интересом посмотрел на мои ноги. Скажу без ложной скромности, ему было на что посмотреть! Ноги у меня длинные, стройные, и домашние шортики нимало не скрывают их красоты.

– Наша собака? – искренне удивился папа. – Нет, что вы! У нас нет собаки! Ведь нет же?

Папуля обернулся ко мне. Я утвердительно кивнула, а потом еще покачала головой, подтверждая, что собаки у нас действительно нет. Давно прошли те времена, когда мы с Зямой втайне от родителей подбирали во дворе симпатичных щеночков и устраивали им конспиративную квартиру под двухъярусной кроватью в детской.

– Собака моя. Денис! – резко кивнул мужчина.

– А разве не Барклай? – удивилась я.

– Он – Барклай, я – Денис! Мы живем этажом выше, – развеял мое недоумение собачник.

– А, новый сосед сверху! – обрадовался папуля. – Очень рады! Надеюсь, вы не будете нас заливать?

– Тогда мы будем рады еще больше, – сказала я, приветливо улыбнувшись.

Новый сосед мне понравился: стройный, симпатичный и, что особенно приятно, существенно выше меня ростом. Я в претензии к матушке-природе по поводу создания ею низкорослых мужчин, потому что малочисленность популяции великанов снижает мои собственные шансы на обретение подходящей пары. У меня, как уже говорилось, своих сто семьдесят пять сэмэ, плюс примерно полтора дециметра парадного каблука – получается, что мне нужен кавалер формата «без десяти два» и выше. Мерзавец Хомкин, кстати говоря, в свое время пленил меня именно тем, что вполне сопоставим по росту с молодым жирафом.

– Барклай хотел отдать вам это! – Денис аккуратно высвободил из собачьих зубов шляпу и протянул ее мне.

Моя светлая улыбка мгновенно потускнела. При ближайшем рассмотрении я узнала этот головной убор: круглая шляпа из белой рисовой соломки принадлежала нашей мамуле. Летом муттер всегда надевает ее, отправляясь на свою вечернюю прогулку. Смысл этого действия долго оставался для меня загадкой, потому как мамулины шансы получить в вечерних сумерках солнечный удар равняются нулю, но Зяма предположил, что огромная белая шляпа – это своего рода опознавательный знак для поклонников мамулиного таланта. Увидев эту гигантскую бледную поганку, они сбегаются к ней за очередной порцией литературной жути.

– Мы нашли это в песочнице, – пояснил Денис.

– Скажите, а в этой песочнице не было других посторонних вложений? – заволновался папуля. – Скажем, симпатичной дамы средних лет?

– И дюжины пацанят с круглыми от ужаса глазами? – добавила я.

– Э-э... Нет, ничего такого в песочнице не было, я бы заметил, – немного растерянно ответил сосед.

– Возможно, они опять переместились в подвал? – задумался папа. – Надо пойти посмотреть.

Я кивнула. В прошлом месяце мамуля и ее юные приятели устроили клуб любителей страхов и ужасов в подвале нашего дома. Видите ли, антураж там был более подходящий! Произведение, которое читала деткам мамуля, называлось «Одинокая рука» и живописало приключения отдельно взятой конечности в перенаселенном больничном морге. Для пушнего эффекта затейники набили мокрым песком резиновую медицинскую перчатку и передавали ее друг другу по кругу, радостно взвизгивая. А папуля, который в поисках мамули первым из нас ворвался в подвал, случайно сцапал именно эту ледяную лапу и завопил так, что маленькие любители кошмаров потом с неделю ночами писались в кровати!

– Позови Зяму, – попросил папуля, поежившись.

Кажется, он все еще не забыл, как прикоснулся к «одинокой руке».

Про соседа с собакой мы забыли и даже не заметили, как они удалились. Я сунулась в комнату к Зяме, подняла братца по тревоге, сбегала к себе и заменила шорты на брюки. Когда я вернулась в прихожую, папа и Зяма уже были там, готовые к выходу. Зяма напялил старые джинсы с художественными прорезами и взял фонарик. Папа был в рабочем комбинезоне и держал на плече бухту веревки. Чувствовалось, что они готовы искать мамулю в самых неожиданных и неудобных местах. Чтобы соответствовать им, я дополнила экипировку ломиком, лежавшим в кладовке. Его удалось довольно удобно прицепить на ремень штанов.

– Пошли! – скомандовал папуля.

Мы пошли и провели следующие два часа весьма насыщенно и интересно. Посвечивая фонариком и помахивая ломиком, мы совершили продолжительную и обстоятельную экскурсию по подъездам, подвалам, подворотням и разным темным закоулкам просторного двора. Не ленились заглядывать в коммуникационные люки и канализационные коллекторы, а Зяма даже покричал «Ау!» в дупло старого дуба. В двенадцатом часу ночи народу нам встретилось немного, и это были не детки, а взрослые граждане, отнюдь не похожие на любителей страшных историй. Наоборот, они испуганно шарахались от нашей компании, некоторые даже крестились и говорили: «Чур меня, нечистая!» Чистыми мы и в самом деле не были: в подвальных помещениях имелось немало пыли и грязи, а в контейнерах помойки, которые мы тоже проинспектировали на всякий случай, нашлось много мелкого прилипчивого мусора.

– Предлагаю заглянуть на чердак! – сказал Зяма, когда мы уже почти отчаялись обнаружить местонахождение пропавшей мамули.

– Действительно, в доме ведь есть чердак! – обрадованный папуля решительно зашагал к подъезду.

Скрипучий лифт неспешно вознес нас на последний, девятый этаж. Взяв у меня ломик, Зяма энергично взобрался по металлической лесенке к люку в потолке и попытался его открыть. Люк сопротивлялся, Зяма не отступал. Я снизу подсвечивала ему фонариком, а папуля придерживал раскачивающуюся лестницу.

В этой диспозиции и нашли нас кем-то вызванные милиционеры.

Капитан милиции Александр Николаевич Ключев задержался на работе, чтобы отпраздновать день рождения дочери Катюши в кругу сослуживцев. Вообще говоря, можно было отметить это торжество и в кругу семьи, в присутствии самой именинницы, но домашний праздник, капитан Ключев знал это, никуда не уйдет. Наоборот, вступит со временем в наиболее приятную фазу: уйдут малолетние гости, жена уберет сладкий стол и выставит «горькую», ворчли-

вая теща удалится в свою комнату на покой. Тут-то и появится глава семьи, с подарком и в хорошем настроении.

Подарок для Катюшки – складной детский домик, похожий на туристическую палатку, был уже готов, Ключев еще вчера приобрел его в игрушечном магазине, расположение которого на территории участка гарантировало капитану существенную скидку. Аккуратно сложенный и упакованный в прозрачный пластик, домик размером и формой напоминал пляжную сумку. Смотреть на него было приятно.

– Ну, за новорожденную! – в очередной раз произнес сержант Бобров, ловко наполнив стопки чистой, как слеза, водкой, презентованной дорогой и любимой милиции владельцем соседнего продовольственного магазина.

Курсанты милицейской школы Вася Зубов и Гена Рябомуслов вежливо пригубили и отставили рюмки. Парни только начали вживаться в суровые милицейские будни и еще не приобрели необходимых профессиональных навыков. Зато азарта у них по молодости было через край: едва в кабинете затрезвонил телефон, шустрый Вася сцапал трубку, не вникнув, что старший товарищ сержант Бобров подает ему недвусмысленные знаки, отрицательно размахивая рукой. Подумав, что сержант разгоняет водочные пары, Вася с радостной готовностью гаркнул в трубку:

– Милиция!

Он немного послушал и картинно посуровел лицом:

– Да, сейчас будем!

Сержант Бобров страдальчески сморщился. Капитан Ключев развел руками – мол, что возьмешь с салажонка!

– Что там? – со вздохом поинтересовался Бобров.

– Во дворе дома номер семнадцать шныряют какие-то подозрительные личности! – отпартовал милиционер-салажонка Вася. – Три человека, все в спортивной одежде, с фонариком, веревкой и фомкой! Долго шастали по двору, а потом полезли в первый подъезд, и уже минут пять их не видно! Можно, мы с Генкой сбегает посмотреть, что к чему?

Вася возбужденно блестел глазами и даже рот разинул, нетерпеливо дожидаясь разрешения стартовать в направлении первого подъезда дома номер семнадцать. Гена выглядел аналогичным образом. По мнению умудренного жизненным опытом капитана Ключева, курсанты выглядели точь-в-точь как пара щенков: два остроухих «овчаренка», нетерпеливо повизгивающих в ожидании команды «Гулять!».

– Гулять! – разрешил Ключев. – То есть приказываю прояснить обстановку в районе первого подъезда семнадцатого дома!

– Есть! – твякнули курсанты, срываясь с места в карьер.

– Эх, молодо-зелено! – сержант Бобров проводил парней отеческой улыбкой и вновь потянулся к рюмке.

Однако с уходом салажат компания стала некомфортно мала, поэтому Ключев жестом попросил подчиненного повременить и спросил:

– А что там Ладошкин телится?

– Гражданочку принимает, – ответил Бобров. – Гражданочка пришла с жалобой, ограбили ее нынче вечером, прямо во дворе родного дома!

– Какой дом? – спросил капитан.

– Семнадцатый, – ответил сержант. И встрепенулся: – Ты думаешь... Отличились эти трое с фомкой и фонариком?

– Пойдем-ка, расспросим гражданочку, – Ключев тяжело встал из-за стола и двинулся в соседний кабинет.

– Итак, я читаю. – Ладошкин откашлялся и скучным речитативом затянул нараспев, как деревенский дьячок: – Сего дня, сего года, в двадцать часов сорок пять минут я без определенной цели вышла из своего дома номер семнадцать, квартира сорок восемь, и присоединилась к компании малолетних граждан в детской песочнице. Примерно через полчаса мои собут... тьфу, собеседники разошлись, и я осталась одна.

– Ах, нет, вы очень плохо все это написали, совсем не выразительно! – с досадой произнес женский голос. – Вот послушайте, как надо!

– Отчего же не послушать, слушаем! – согласился вошедший капитан Ключев, опускаясь на стульчик.

Быстроногие милицейские юноши Вася и Гена вернулись со своего первого задержания минут через пятнадцать, ведя в поводу троицу подозрительных лиц, из коих одно было женским и вполне симпатичным.

– Сопротивления не оказывали? – нарочито грозно сведя брови, спросил лейтенант Ладошкин, который на одну минуточку вышел из кабинета, чтобы посетить туалет.

– Да нет, – с явным сожалением ответил курсант Вася.

– Мы сами хотели обратиться в милицию! – громким голосом сообщил лысоватый дядечка в синем сатиновом комбинезоне.

– У нас мама пропала! – сказал лохматый парень в дырявых джинсах.

– Разберемся, – пообещал Ладошкин, поспешно возвращаясь в кабинет.

В приоткрывшуюся дверь курсант Гена увидел капитана Ключева и сержанта Боброва. Суровые менты сидели рядышком на твердых стульях для посетителей, сложив руки на коленках, как воспитанники детского сада, и приоткрыв рты.

– В черном-черном небе сияли белые-белые звезды, – вдохновенно повествовала невидимая рассказчица. – Их свет колол мне глаза, проникая в мозг, где зарождался дикий, животный страх. Я вдруг поняла, что призраки, обратившие меня в оцепенение, по-прежнему где-то рядом! Ледяное дыхание смерти пронеслось над темным колодцем двора, я вздрогнула всем телом и, словно молитву, истово прошептала одно-единственное короткое слово...

– Какое? – замирающим голосом спросил сержант Бобров, не перенеся затянувшейся драматической паузы. – «О господи!»

Захваченный повествованием капитан Ключев тихо грыз ногти.

– Да нет, не «господи», – вполне нормальным голосом ответила женщина. – Я сказала: «Блин!» А что еще я могла сказать, сообразив, что у меня свистнули сумочку с кошельком, документами и мобильным телефоном?

– Ну, я бы, например, сказал в такой ситуации примерно следующее, – сержант Бобров набрал в грудь побольше воздуха, но не успел озвучить свой вариант текста.

Дверь в кабинет распахнулась, и в проем сунулись сразу три озабоченные физиономии.

– Мамуля! – в хоровом крике соединились облегчение и негодование. – Ты здесь?!

– Ну, знаешь, Басенька, это уже слишком! – возмущался папуля, конвоируя мамулю к дому. – Рассказывать страшные сказки детворе – это еще куда ни шло, но запугивать милиционеров, находящихся при исполнении служебных обязанностей, это уже никуда не годится! Зачем, ну, зачем ты меняешь адресную аудиторию? Твой читатель – не суровый мужик в погонах, а впечатлительный подросток!

– Суровые менты в погонах чуть не описались, когда я рассказывала о том, как подверглась нападению, – с глубоким удовлетворением сказала мамуля. – Хорошо, у них туалет рядом, хоть штанов не замочили!

Голос у нее был такой довольный, что я сочла нужным заметить:

– Не пойму я, чему ты радуешься! Тебя ограбили, по голове стукнули и под лавочку затолкали, как мешок с картошкой!

– В следующий раз обязательно заглянем под лавочки, – пробормотал Зяма.

– Я очень надеюсь, что следующего раза не будет, – сказала мамуля. – Что это вы на меня все накинудись? Я же не виновата, что стала жертвой грабителей!

– Ладно, инцидент с грабителями мы тебе прощаем, – согласился Зяма, – и обмочившихся ментов мне лично не очень жалко. Но зачем ты потрепала нервы нам? Почему пошла не домой, а в милицию?

– Что за вопрос? – Мамуля всерьез обиделась. – Я законопослушная гражданка! Если по нашему мирному двору под покровом ночи шастают какие-то темные личности, я должна была оповестить об этом соответствующие органы! Ведь еще кто-нибудь, кроме меня, мог попасть в рискованную ситуацию!

– Кроме тебя, в рискованную ситуацию попали мы трое, – желчно сказала я. – Именно нас другие законопослушные граждане посчитали темными личностями!

– И оповестили об этом соответствующие органы! – поддакнул Зяма. – Хорошо еще, у милиционеров, которые прибежали нас арестовывать, почему-то не было пистолетов, а то перестреляли бы нас, как котят!

– Представляю, Басенька, как вдохновили бы тебя наши похороны! – вздохнул папуля.

Под давлением общественности мамуля поникла и виновато замолчала. Лифт, поднимающий нас к родным пенатам на седьмом этаже, и тот, казалось, гудел укоризненно! В тишине, нарушаемой триединым сердитым сопением, мы подошли к двери, папа открыл ее своим ключом, пропустил вперед маму и строго сказал ей в спину:

– И чтобы впредь подобное не повторялось!

Подавленная мамуля даже не стала уточнять, что именно впредь не должно повторяться – вечерние прогулки, встречи с грабителями или посиделки с ментами. Сокрушенно шаркая тапочками, она удалилась в свою комнату. Через минуту там застрекотала печатная машинка. Мы с папой переглянулись.

– Она все-таки пришла! – произнес папуля.

В голосе его читалась глубокая признательность музе, удостоившей мамулю своим посещением. Теперь наша мама была надежно нейтрализована: пока она не ошиплет свою крылатую вдохновительницу до последнего перышка, никакого общения с внешним миром не будет.

– Пойду, сварю кофе, – папуля заторопился на кухню.

Я медленно стащила с гудящих ног кроссовки, надела тапочки и уже толкнула свою дверь, когда в комнате брата раздался крик.

– О господи! – возопил Зяма в полном соответствии со сценарием милицейского сержанта.

– Блин! – сказала я. – Что за вечер сегодня? Многосерийный кошмар!

Я сосчитала до трех и решительно направилась в комнату Зямы, намереваясь надавать братишке по шее, если выяснится, что причиной негодующего вопля стал сломанный ноготь или замеченный под потолком паучок. Я понимаю, что у дизайнера тонкая нервная организация, но не до такой же степени!

Закатывая на ходу рукава джемпера, я шагнула в Зямину светлицу и в первый момент не поняла, отчего это в комнате так просторно. Потом невероятная правда дошла до моего замутненного усталостью и переживаниями сознания, и я тоже сказала:

– О господи!

– Что, что случилось?! – теряя тапки, примчался из кухни папа с дымящейся туркой в руке.

– Ну, что еще? – недовольно спросила мама, выглянув из своей кельи.

Зяма, рапластавшийся на паркетном полу, как еще один оригинальный коврик, в бес- сильной ярости колотил кулаками по полированным доскам.

– Нас обокрали, – стараясь сохранять хладнокровие, объяснила я испуганному папе и раздраженной мамуле. – Пока мы бродили по двору и торчали в отделении, кто-то спер Зямину «Хельгу»!

– Ах, зачем же так орать? – поморщившись, мамуля решительно протянула руку к теле- фону. – Алло, это милиция? Капитан Клюев? Ах, это сержант Бобров! Еще раз добрый вечер, дорогой сержант! Это Варвара Петровна, да-да, писательница... Странно, связь оборвалась!

Мамуля недоуменно посмотрела на трубку, издающую противный мышиный писк. Зяма выразительно хмыкнул. Всем, кроме самой мамули, было понятно, что сержант Бобров бросил трубку, не желая общением с писательницей Варварой Петровной наживать себе ночные кош- мары. Зяма забрал трубку, повторил последний вызов и мужественным баритоном произнес:

– Милиция? Здравствуйте! У нас ЧП, дом семнадцать, первый подъезд... Что за черт?

Трубка снова издевательски запищала.

– Позвольте, я попробую! – папа протиснулся к телефону и набрал номер отделения. – Здравствуйте, у нас ограбление!

Я поспешно протянула руку поверх папиного плеча и включила громкую связь, чтобы мы все могли слышать милицейского товарища.

– Адрес, – без эмоций произнес хриплый голос.

– Это тут, рядом, в соседнем с вами дворе, – уклончиво ответил папуля.

– Взлом? Проникновение?

– Нет-нет, замок исправен, дверь цела, окна закрыты, и вообще, у нас седьмой этаж...

Но «Хельга» пропала!

– Хельга – это кто?

– Это шкаф, – любезно пояснил папуля.

На другом конце провода воцарилось молчание. Нетерпеливый Зяма сунулся к динамику, но я зажала ему рот ладонью. Если братец снова скажет, что Хельга – чистопородная немка шоколадного цвета со стеклами в золоте, это здорово дезориентирует ментов!

– Какой шкаф? Несгораемый? – спросил наконец бас.

Я поняла, что ему хочется понять, в чем ценность похищенного у нас предмета мебели. А уж как это хотелось понять мне самой!

– Несгораемый? – папуля задумался. – Честно говоря, не знаю. Мы еще не пробовали его поджигать.

– А что было в шкафу?

– Ничего не было, – на этот вопрос папуля ответил легко. – Шкаф был абсолютно пуст!

– Поня-атно, – протянул невидимый милицейский товарищ таким озадаченным тоном, который яснее ясного говорил о том, что ничего ему не понятно. – Значит, из наглухо запертой квартиры на седьмом этаже сам собой испарился пустой шкаф, так?

– Совершенно верно! Мы можем вызвать бригаду сыщиков? – чуточку нетерпеливо спро- сил папуля.

– Лучше вызовите бригаду «Скорой помощи»! – посоветовал бас, и трубка вновь засиг- налила об обрыве связи.

– Мне кажется, нас не приняли всерьез! – папуля развел руками.

– Вы сами не приняли всерьез меня! – напонила мама, явно приготовившись вещать. – А ведь я предупреждала вас, что единорог – это к великим и многочисленным несчастьям!

– Мамуля, иди работать! – в один голос вскричали мы с Зямой.

– Басенька, я тебя провожу! – Папуля обнял мамулю за плечи и повел в комнату, чтобы с рук на руки передать разбушевавшуюся прорицательницу музе-усмирительнице.

Зяма побарабанил пальцами по дверному косяку, потом метнулся в свою комнату, погремел там ящиками и вернулся в прихожую с потертой записной книжкой.

– Вот: «Грушкина Верочка», – он нашел нужную запись и тут же принялся набирать телефонный номер.

– Откуда у тебя Веркин номер? – прищурилась я. – Мы же с ней уже сто лет не виделись, с детских утренников в садике!

– Это ты с ней не виделась, а я раз или два встречался пару лет назад, – скороговоркой ответил Зяма и тут же сменил колючий голос на велюровый баритон: – Верунька, зайка, это Казимир Кузнецов!

Трубка взорвалась руганью, и Зяма, поморщившись, отставил ее подальше от уха. Я с интересом наблюдала за ним.

– Верунька, ну, прости! – Чеширским котом промурлыкал братец. – Я понял, что ты достойна лучшего, и удалился, чтобы не тревожить твой покой, вот и все.

– А теперь зачем тревожишь? – сердито поинтересовалась Верка – дочка старых друзей наших родителей, тети Кати и дяди Жоры Грушкиных.

– Вопрос жизни и смерти! – с чувством произнес Зяма.

– Твоей? – с надеждой уточнила Верка.

– Массовой! – соврал Зяма. – Верунька, отвечай мне правду и только правду! У вас в доме сохранился немецкий шкаф «Хельга», который мои родители подарили твоим лет тридцать назад?

– Нет, не сохранился! – с удовольствием ответила свидетельница. – Я эту допотопную гробину в прошлом году лично выволокла на помойку! Не в одиночку, конечно, а с помощью грузчиков из мебельного магазина. Они нам новый набор кожаной мягкой мебели привезли, а эта чертова «Хельга» мешала расставить все по уму. Так я спровадила предков к соседям – вроде чтобы они не путались под ногами у грузчиков и не порывались по совковой привычке сами мебель тягать, да «Хельгу»-то на помойку и наладила!

– Верунька, знаешь, что я тебе скажу? Ты варварша и вандалка! – с болью в сердце вскричал Зяма и бросил трубку на рычаг.

– И чего ты так расстраиваешься? – спросила я братца. – Видишь, у Грушкиных тоже нет «Хельги», а живут люди и не жалуются!

Зяма устремил на меня тяжелый взгляд, и я почувствовала себя кошкой, на которую надвигается грузовик.

– Так! – пугающе воскликнул братец, после чего втолкнул меня в комнату, закрыл за собой дверь и сказал:

– Индиана Джонс, мне нужна твоя помощь!

Обращение заставило меня насторожиться. Индиана Джонс! Так братишка называет меня лишь тогда, когда хочет польстить, а это бывает крайне редко. Гораздо больше Зяме нравится именовать меня Индейкой, и я много лет потратила на то, чтобы приучить братца и остальных родственничков хотя бы в присутствии посторонних называть меня просто Инной.

Дело в том, что у меня совершенно не человеческое имя: Индия! Индия Борисовна Кузнецова – как вам? Я считаю, что мое имя – это самый короткий и самый страшный мамулин ужастик. Моему брату Зяме повезло гораздо больше: Казимир – имечко, конечно, выпендренное, но для дизайнера сойдет. Братец хотя бы может утешаться тем, что он тезка знаменитого художника Казимира Малевича. А мне чем утешаться? Существованием одноименной страны? Так уроки географии в школьные годы были для меня сущей пыткой, и до сих пор при виде карты мира я с трудом сдерживаю слезы. Впрочем, Казимир наш тоже, помнится, обрыдался, когда лет в десять получил первую любовную записочку от одноклассницы. Послание начиналось словами: «Дорогой Козий Мир!»

В шестнадцать лет, получая паспорт, я всерьез подумывала, не поменять ли имя, но папуля меня отговорил. Он сказал, что это разобьет мамуле сердце, ведь она так старалась придумать для любимой дочурки оригинальное, неизбитое имя. Теперь я представляюсь новым знакомым как Инесса, но для домашних все равно остаюсь Индейкой, Индюшкой и Индусечкой.

– Какая тебе нужна помощь, Зяма? – спросила я братца.

– Нужно вернуть «Хельгу»! – Зяма прошел к моему любимому креслу и тяжело бухнулся в него.

– Обратись в милицию.

– Еще раз?! – Зяма демонически захохотал. – Ни за что! Нет, сестричка, «Хельгу» мы должны вернуть сами, своими силами.

– Мы должны? – я сделала акцент на местоимении.

– Мы, – твердо сказал Зяма. – Если, конечно, ты не хочешь остаться единственным ребенком в семье. Индюха, пойми, если к концу недели «Хельга» не будет стоять на своем месте в пантюхинском музее, мне конец! Он меня убьет!

– Уж так прямо и убьет! – не поверила я. – За какой-то паршивый шкаф? Возмести ему стоимость пропавшей мебели деньгами – и все дела.

Зяма застонал и с преувеличенной силой рванул себя за волосы. При этом одним глазом он косил на публику в моем лице, оценивая произведенное впечатление. Поскольку я не прониклась этой карикатурной демонстрацией скорби, Зяма выдрал из скальпа всего пару волосков и попытался воздействовать на меня словами. Слова сложились в рассказ, который сделал бы честь нашей мамуле.

Оказалось, что на покупку «Хельги», которую наш дизайнер расписал неискушенному заказчику в самых ярких красках, Зяма получил очень и очень приличную сумму наличных долларов. Хватило бы, чтобы скупить на корню обстановку целого зала мебельного магазина. Причем эти деньги мот и транжира Зяма уже успел прогулять.

– Но это еще полбеды, – сказал братишка. – Хуже всего то, что в субботу Пантюхин устраивает презентацию своего музея! Он уже и приглашения важным гостям отправил, и прессу позвал для освещения этого события века!

– А нас не позвали! – машинально сказала я.

Я работаю в рекламно-информационном агентстве «Эм Би Си». Трехбуквенное название с «закомсом» под знаменитую заокеанскую телекомпанию NBC означает всего лишь аббревиатуру ФИО нашего директора: Михаил Брониславович Савицкий. Мы занимаемся всем понемножку и ничем особенным: пописываем статьи в газетки, журнальчики, размещаем информацию в Интернете, берем заказы на изготовление нехитрой рекламы и фирменной сувенирной продукции. Бегать по презентациям тоже приходится.

– А вас позовут на мои похороны, если к выходным Понт не увидит свою во всех смыслах дорогую «Хельгу»! – резюмировал Зяма.

Похороны родного и более или менее любимого брата не казались мне заманчивым мероприятием, поэтому я перестала кочевряжиться и спросила по существу:

– Конкретно, Зяма, чего ты хочешь от меня?

– Хочу, чтобы ты стала моим Шерлоком Холмсом!

Я вообразила, как с большой лупой в руке крадусь по следам, оставленным в городской пыли ножками беглого шкафа, и захихикала, но пересказывать свое видение Зяме не стала. Прагматично спросила:

– Чего это ради мне переквалифицироваться в сыщики? Ведь все пантюхинские доллары на «Хельгу» ты уже просадил, на какое же вознаграждение я могу рассчитывать?

– Эх, ладно! – Зяма размашисто ударил себя по коленке. – Так и быть! Я помогу тебе охмурить Ваньку!

– По рукам! – тут же вскричала я, спеша согласиться, пока братец не передумал.

Ваня Горин – это Зямин лучший друг, тоже дизайнер, но специализирующийся на полиграфической продукции. Чертовски привлекательный парень, на которого я уже второй год охочусь, как терпеливый чукча на редкого пушного зверя: ставлю капканы, рою ямы, придумываю всяческие ловушки и разбрасываю приманки разной степени ядовитости. Увы, Ванька умудряется все мои силки обходить и даже не замечает моего охотничьего азарта. Или делает вид, что не замечает! До сих пор Зяма из соображений мужской солидарности и верности законам товарищества отказывался помочь мне заарканить своего друга, а теперь, значит, созрел для предательства!

Я с трудом удержалась от эмоционального вопля, которым сопровождали свое победоносное движение по тропе войны кровожадные индейцы, притушила алчный блеск в глазах и с доброй улыбкой сказала своему бледнолицему брату:

– Иди-ка ты спать, Зяма! На дворе давно ночь, сейчас мы с тобой ничего толкового не предпримем, а завтра я что-нибудь придумаю. Утро вечера мудренее!

Зяма послушно вымелся из моей комнаты, а я завалилась спать и, засыпая, улыбалась, словно прошедший день не был нафарширован неприятностями, как папулина курица заморскими фруктами.

Глава 2

Наутро я проснулась с мыслью, которая показалась мне весьма дельной. Зяме я доступно изложила ее в виде многоступенчатого логического умозаключения.

– Первое! – сказала я, намазывая маслом первую булочку из числа испеченных папулей к завтраку. – Дверной замок и сама дверь квартиры, из которой пропала «Хельга», целы и невредимы. При этом вероятность того, что похитители проникли в окно, в принципе не исключается, однако вытащить в то же окно шкаф они определенно не могли. И не потому даже, что мы живем на седьмом этаже – я могла бы придумать с десяток способов более или менее благополучно спустить стибренную «Хельгу» с высоты...

– Как, например? – нехстати задал вопрос любознательный папуля.

– Например, на веревках, на машине с подъемником, в коляске мойщика окон или на дирижабле, – я не затруднилась с ответом. – Только ничего такого быть не могло, потому что эта громадина – Зямина дорогая «Хельга» – не пролезла бы в окно. Все улавливают ход моих мыслей?

Я критически посмотрела на Зяму. Братец имел бледный вид. Вчера ночью, когда мы разошлись по комнатам, он не отправился на боковую, а принялся снимать стресс старым проверенным способом – с помощью спиртного. Причем, как натура утонченная, не стал банально глушить чистую водку, а вдохновенно смешал ее с папулиным фруктовым пойлом. Уж не знаю, какая из составляющих Зямино коктейля оказалась вреднее – водка или витаминный напиток, но поутру братцу было худо. От стресса он, правда, избавился, но теперь страдал от головной боли и еще от диареи, имеющей нетипичный импульсный характер: приступы настигали беднягу каждые десять минут, а в промежутках между заседаниями в туалете Зяма чувствовал себя вполне нормально. Только головой маялся.

– Улавливаю, продолжай, – помассировав себе виски, брюзгливо ответил братец.

– Продолжу через пару минут, – сказала я, посмотрев на часы.

Секундная стрелка завершила круг, десять минут, проведенные Зямой за пределами клозета, закончились.

– Ох! – вскрикнув, страдалец согнулся пополам и устремился в уборную.

– Пойду поищу в аптечке лекарство от диареи, – папуля тоже встал из-за стола.

Я неторопливо намастила вторую булочку, дождалась возвращения бледного измученного Зямы и сказала, словно наш разговор и не прерывался:

– Второе. Вчера у нас украли не только многоуважаемый шкаф. Этому ограблению века предшествовало другое – я имею в виду гангстерский налет на мамулю, у которой свистнули сумку. В сумке, помимо прочего, были ключи от квартиры. И что из этого следует? – я вопросительно посмотрела на Зяму.

Зяма кушал булочку с маслом. С учетом грядущего приступа желудочно-кишечной хвори это было весьма неосмотрительно с его стороны.

– Из этого следует, что мамуле не стоило брать с собой на прогулку сумочку, – постановил Зяма.

– Правильно, а что еще? – Я была терпелива, как учитель, растолковывающий первое правило арифметики маленькому дауну.

– Еще булочку, пожалуй! – решил братец.

– Пожалуй, я закажу табличку с надписью «Творческая мастерская Казимира Кузнецова» и приколочу ее на дверь сортира! – Мое терпение кончилось. – Зяма, думай головой, а не местом стыковки с унитазом! Ежу понятно, что похитители шкафа открыли нашу дверь своим ключом! Точнее, мамулиным ключом! Вывод: и сумку, и шкаф сперли одни и те же воры! Дошло?

По Зяминому лицу было видно, что доходит медленно. Я поняла, что брат созреет для продолжения конструктивного разговора только через пару минут, и потянулась к третьей булочке, но тут в дверь настойчиво постучали. Я еще раз коротко взглянула на тупицу Зяму и убедилась, что у меня есть время на то, чтобы открыть дверь и пообщаться с тем, кто в нее стучится.

Общение прошло по уже знакомому сценарию: на коврик под дверью сидел бассет-хаунд Барклай, обогнавший в спортивном забеге на седьмой этаж своего хозяина. Шаги Дениса слышались этажом ниже.

– Привет, Барклайчик! – приветливо сказала я. – Ты опять нам что-то принес?

– Удивительно благовоспитанная собачка, никогда не приходит в гости без подарка! – восхитился подросший папуля. – Хороший песик, умница!

– Действительно, не дурак, – согласилась я. – Ты видишь, что он нам притащил? Это же мамулина сумка!

– Басенька, выйди к нам, тут собачка принесла твою сумку! – крикнул папа.

Ожесточенное стрекотание печатной машинки смолкло, и в прихожую выплыла мамуля. Взгляд у нее был затуманенный, пальцы самопроизвольно шевелились, словно продолжая нажимать на клавиши. Не выразив ни малейшего удивления по поводу персоны, доставившей ей утраченную накануне сумку, мамуля быстро проверила ее содержимое и равнодушно сообщила:

– Очки, косметичка, носовой платок и «Орбит» на месте. Нет ключей, кошелька, мобильника и документов. И «молния» сломана, – проинформировав нас, мамуля бестрепетной рукой повесила сумочку на крючок вешалки и удалилась в свою комнату, в объятия блудной музыки.

Чувствовалось, что ничто земное ее сейчас не волнует.

– Мы ничего не ломали и не брали! – поспешил заверить нас запыхавшийся Денис. – Принесли в том же виде, в каком нашли! Барклай обнаружил сумочку на газоне, куда пошел, чтобы... как бы это сказать...

– О-о-о! – донеслось из кухни.

Скрюченный Зяма промчался в туалет.

– Чтобы вот! – кивнул на захлопнувшуюся дверь сортира Денис, обрадованный тем, что ему не нужно подбирать слова для объяснения природы Барклаевой заинтересованности в травянистом газоне.

– Огромное вам спасибо! – папуля церемонно поклонился сначала Денису, а потом Барклаю. – Не хотите ли позавтракать с нами? Я испек сдобные булочки с корицей.

– Как-нибудь в другой раз, я на работу опаздываю, – Денис смущенно улыбнулся и посмотрел на меня. – До свиданья!

Это прозвучало так, словно он хотел назначить свидание непосредственно мне. Я проводила исчезающих за поворотом лестницы мужчину и собаку задумчивым взором. Приятный парень этот Денис, и песик у него отменный, настоящая разыскная собака! Интересно, он умеет находить только небольшие личные вещи или способен также отыскать и крупный предмет вроде шкафа?

Из туалета вывалился измученный Зяма.

– Стоп, не ходи в кухню, тебе сейчас нельзя есть! – Я перехватила неразумного брата на пути в пищеблок и увлекла в его комнату. – Садись, выпей таблеточку, и будем думать дальше.

– Индюха, тебе разве не надо на работу? – Зяма посмотрел на меня красными глазами больного кролика. – Или в магазин смотаться за покупками? Кстати говоря, у нас туалетная бумага заканчивается.

– Хочешь спроводить меня куда-нибудь, чтобы я не мешала тебе наслаждаться кишечными спазмами? – догадалась я. – Тебе так дурственно, что пропажа «Хельги» в настоящий момент заботит тебя гораздо меньше, чем пополнение стратегического запаса пипифакса?

Обессиливший Зяма не стал записываться и склонил голову, признавая мою правоту.

– Ладно, я уйду, мне действительно нужно на работу, – притворно обиделась я. – В конце концов, геморрой с «Хельгой» не у меня, а у тебя!

Зяма застонал, и я поняла, что зря упомянула заболевание проблемной прямой кишки. Нельзя же так жестоко относиться к родному брату, даже если он проявляет редкостную глупость! В конце концов, это может случиться с каждым! Я имею в виду диарею, а не приступ глупости, конечно.

– Выздоровливай, – сочувственно сказала я.

И пошла к себе, собираться.

Работа у меня не пыльная. Правда, и платят за нее мало. Однако, на мой взгляд современной девушки, у которой много разных интересов, свободное время дорогого стоит, так что мое нынешнее беспривязное содержание меня устраивает.

На сегодня у меня, кажется, никаких серьезных дел не планировалось, поэтому я предполагала просто показаться в конторе, покрутиться там для приличия с полчаса и убежать по своим делам. Мне же еще «Хельгу» искать! Пока Зяма, физически и морально истощенный поносом, приходит в чувство, я начну действовать в одиночку. Глядишь, скорее устрою свою личную жизнь, и на сей раз не с каким-нибудь захудалым Хомкиным, а с красавцем Ваней Гориним, которого братишка обещал мне сдать с потрохами.

Я прокатилась на троллейбусе и через полчаса уже открывала офисную дверь, украшенную лаконичной табличкой «МБС» – обозначение это постороннему было не понять, но к нам редко заглядывают посторонние. Разве что вездесущие торговцы контрафактной косметикой, но они живо удаляются, бросив беглый взгляд за дверь. Офис «МБС» никак не позволяет думать, что одноименное рекламное агентство бурно процветает.

Комната площадью шестнадцать квадратных метров с одним окном плотно заставлена ветхой мебелью, которой было бы самое место в музее жизни и быта очень-очень бедствующих сограждан молодого Семена Пантюхина. Облупившиеся шкафы с перекосившимися дверцами скрывают в своих глубинах множество папок с бумагами разной степени важности. На книжных полках, с которых клочьями сыпется отшелушивающийся лак, теснятся видеокассеты. Столов в помещении всего два, хотя штатный состав агентства насчитывает аж три боеспособные единицы: это я сама – редактор, ответственный секретарь Катя Дымова и менеджер Зоя Липовецкая. Михаила Брониславовича, нашего директора, я не считаю: он в офисе бывает редко, и пользы от него при этом никакой. Получается, что у нас с девочками два стола на троих. Сложившийся порядок дележа рабочих мест Катя образно определяет расхожей фразой «Кто раньше встал, того и тапки».

Я вошла и сразу поняла, что сегодня мне тапок не досталось: оба стола были заняты, Катя и Зоя на службу не опоздали. Не скажу, что перспектива остаться не у дел меня сильно расстроила.

– Привет! – с порога сказала я девочкам, не спеша продвигаться в глубь комнаты. – Что, работа сегодня есть?

– Работа? – задумчиво повторила Зоя, рассеянно глядя на подарочный календарь салона-магазина «Дикий камень» и постукивая себя по зубам карандашом.

На столе перед Зоей лежала развернутая газета с просторным, как клетчатая общепитовская скатерть, кроссвордом, к заполнению клеточек которого коллега только-только приступила.

– Да, работа? – повторила я, тоже поглядев на красочный календарь с картинками из жизни тружеников каменоломен. – Слово из шести букв, обозначающее трудовую деятельность?

– О! Деятельность! – Зоя радостно зачеркала карандашом.

– Сейчас никакой работы нет, – отозвалась Катя, занятая игрой в «Тетрис» на нашем единственном компьютере. – Бронич обещал, что работа будет после обеда.

– Тогда я тоже буду после обеда, – легко решила я. – Пока!

Я вышла на улицу и огляделась, раздумывая, куда бы податься. На дворе было лето, июль – самая жара. В двенадцатом часу дня воздух прогрелся градусов до тридцати пяти, не меньше, в такое пекло выбор у меня небольшой – либо сидеть в кондиционированном помещении, либо спрятаться в тень. Я высмотрела свободный столик под зонтом уличного кафе и поплыла к нему, лавируя между стульями.

Оставленное на столике меню я открыла совершенно машинально. Проголодаться я не успела, в желудке еще не рассосались утренние булочки с маслом.

– Слушаю вас, – неохотно вымолвила официантка, которая воплотилась поблизости из колышущегося над горячим асфальтом марева.

По голосу девушки чувствовалось, что слушать меня, а также вообще жить и дышать, ей невыносимо тяжело. Чтобы не затруднять существование утомленной солнцем официантки сверх необходимости, я быстро сделала заказ и в ожидании его материализации бездумно уставилась на стеклянную громаду банка.

В стенах здания отражались машины и пешеходы, кроны деревьев и плывущие над ними облака. Одно особенно пухлое облачко, похожее на широкую физиономию ненавистного мне ныне Хомкина, самоубийственно ползло прямо на флагшток соседствующего с банком автосалона. Я с удовольствием ждала, пока воздушный хомкинский лик располосует об острие флагштока, а потом утрется сине-голубым стягом с эмблемой «Вольво», и одновременно думала над детективной задачкой, которую подрядилась решить для Зямы.

Еще дома, когда мамуля хладнокровно ревизовала содержимое вновь обретенной сумки, я сообразила, что вещи пропали не случайные. Ну, кошелек с деньгами – это, само собой, законная добыча ночных грабителей. Мобильник они могли утащить просто для того, чтобы оставить мамулю без связи и не дать ей раньше времени оповестить о случившемся родственников и милицию. Ключи преступники прихватили, чтобы проникнуть в квартиру. Непонятно было только, зачем они прихватили мамулины документы?

Логично предположив, что мамулину торбу с барахлом и Зямину «Хельгу» умыкнули одни и те же криминальные личности, я попыталась понять, по какому принципу комплектовался набор предметов, изъятых из сумки. Вовсе не по принципу «Хватай все, что плохо лежит», раз мамулина сума с половиной содержимого была потом небрежно заброшена на заминированный собачками газон! Может, переборчивые преступники действовали под девизом «Бери только то, что может принести ощутимую прибыль»? В эту схему укладывались и кошелек с деньгами, и ключи, при наличии которых плевым делом становилось ограбление квартиры, и мобильный телефон, на счету которого были деньги. Их, конечно, нельзя обналичить, но вполне можно проговорить, а это тоже корысть. Но какую выгоду преступники собирались извлечь из обладания чужими документами?

Тут я сообразила, что не знаю, о каких именно документах идет речь, поэтому достала мобильник и позвонила домой.

– Квартира Кузнецовых! – важно отвечивал папуля, церемонный, как испанский гранд.

Я предположила, что соответствующий образ папуле навесило приготовление какого-то аристократического блюда.

– Папчик, дай мне Зяму, быстро! – попросила я.

– Зяма, дуй к телефону, Индюшечка зовет! – смекнув, что дело срочное, папуля отбросил церемонии.

– Молочный коктейль! – страдающая официантка со стуком поставила передо мной высокий стакан.

Опуская к нему глаза, я зацепила взглядом крупные буквы надписи на стекле автосалона: «Продажа автомобилей в кредит». Тут в моем мозгу произошла бурная химическая реакция: только что в голове тихо булькала чистая прозрачная водичка, и вдруг этот дистиллят закипел и вспенился, как мой молочный коктейль!

Какую корысть можно было извлечь из обладания чужим паспортом? Элементарно, Ватсон! Надпись на стекле автосалона давала ответ на этот вопрос!

В трубке, которую я по-прежнему держала возле уха, послышался сладкий зевок.

– Чего тебе надобно, старче? – сонным голосом с эротичной хрипотцой спросил Зяма.

– Сам ты старче! – я всерьез обиделась. – Я на два года моложе тебя, мне еще и тридцати нет, а вот ты уже разменял четвертый десяток!

– Так ты позвонила, чтобы пересчитать мои преклонные годы? – хмыкнул братец.

Я поняла, что борьба с болезнью окончилась победой Зямы. Этого следовало ожидать: на его стороне был папуля с аптечкой, а диарея пришла одна.

– Я позвонила, чтобы дать тебе задание, – ответила я. – Велю тебе, как Холмс Ватсону: живо сбегай к мамуле и узнай, какие именно документы пропали из ее сумки. Шевелись, я на связи!

Зяма послушно пошевелился и уже через минуту сообщил мне, что в сумке у мамы лежал паспорт с дополнительным двойным вложением в виде страхового свидетельства государственного пенсионного страхования и карточки льготного проезда на городском электро-транспорте.

– Замечательно! – воскликнула я, обрадовавшись, что моя гипотеза подтверждается.

– Ты находишь? – скептически спросил Зяма. – Мамуле теперь придется платить за проезд в тамбусах и троллейбусах и выправлять новые документы. Хорошо хоть, она вчера сообщила милиции о краже паспорта, все-таки не зря тусовалась в отделении!

– Зяма, знаешь, что ты сейчас сделаешь?

– Знаю! – голосом, в котором занятно смешались вызов и неуверенность, ответил брат. – Сейчас я приму ванну, а потом поеду в художественный салон. Девочки обещали оставить мне набор люминесцентных красок для дизайнерских работ.

– Отставить художественный салон! – решительно возразила я. – Для дизайнерских работ в музее Пантюхина люминесцентные краски тебе не понадобятся. Ванну замени душем, а потом надевай портки и дуй к «Мегаполису», я встречу тебя у входа. Да, и прихвати с собой какую-нибудь мамулину фотографию! Полчаса на все тебе, Зяма! Торопись, пока след «Хельги» не простыл!

Я допила коктейль, расплатилась по счету и неторопливо, пешочком, переместилась к торговому центру «Мегаполис». Это заведение находится неподалеку от нашего дома, метров триста по прямой. Упомянутую прямую протоптали по газонам граждане, у которых потребность в еде, питье и куреве регулярно возникает в поздний час, когда все прочие магазины уже закрыты. «Мегаполис» работает до двух часов ночи, и купить там можно все, что угодно: хоть коробок спичек, хоть стиральную машину. Именно отделы бытовой техники, электроники и радиотоваров интересовали меня в данный момент. Сейчас объясню, почему.

Паспорт и страховое свидетельство – это документы, каждый из которых важен сам по себе, вместе же они образуют сладкую парочку, способную к размножению! Плоды этого союза – многочисленные и разнообразные товары народного потребления, приобретаемые в кредит. По мамулиным документам наши практичные преступники могли оформить его на покупку какой-нибудь вещи или даже вещей! Вот только сделать это с полной гарантией безопасности они могли лишь сразу после налета, в тот же вечер, точнее даже – ночь, пока мамуля не заявила о пропаже документов. А где в нашем провинциальном городе можно оформить покупку в кредит после полуночи? Только в «Мегаполисе»!

Я вознаградила себя за сообразительность горячей сосиской в булке – благо, тележка продавщицы хот-догов традиционно паркуется у входа в торговый центр. Горячая собачка с майонезом и кетчупом оказалась неожиданно вкусной, и Зяма застал меня сладострастно облизывающей пальцы.

– Привет индейцам племени ням-ням! – съехидничал братец. – Ты, май систер, никогда не упустишь возможность набить желудок!

– Я сейчас не упущу возможность набить кому-то морду! – пригрозила я, вытирая губы салфеткой. – Ты, Зяма, неблагодарное парнокопытное животное с пятачком вместо носа! Я тут, между прочим, по твоему делу нахожусь!

– Кстати, о пятачках, у тебя деньги есть? – Братец загляделся на причудливо наряженный манекен в витрине и пропустил мимо ушей прозрачный намек на его свинскую натуру. – Ты не одолжишь мне пару сотен, желательно – баксов? Я немного поиздержался...

– Правильно мыслишь! – похвалила я, хладнокровно проигнорировав просьбу о займе. – В отсутствие наличности особое значение для народа приобретает кредит! Этим мы сейчас и займемся.

Я метко швырнула смятую салфеточку в урну и потащила братца в торговый центр.

– Мы будем оформлять кредит? А на что? – шагая между штабелями коробок с телевизорами, заинтересовался Зяма. – Мне, например, очень нужен новый монитор, желательно двадцатидвухдюймовый, и сканер с высоким разрешением, а еще я хочу планшет и...

– И портативный губоскат! – оборвала я размахивавшегося паразита. Ишь, раскатал губешки!

– Зайка, а почему мы не купили нам этот... портативный губоскат? – огорчилась какая-то кукольная красотка, проплывая мимо нас в сопровождении дюжего мужика, впряженного в тележку с горой ярких коробок. – Ты же обещал, что в нашей кухне будут все-все нужные машинки!

– Вам, девушка, портативный губоскат не подойдет! – мгновенно включился в беседу Зяма. – Вам нужна стационарная модель повышенной мощности! Посмотрите во-он там!

– Спасибо! – кокетливо ответила девица.

Ее могучий «зайчик» молча развернул тележку и устремился в указанном направлении – к стеллажу с электрическими лебедками. Тщетно стараясь не смеяться, мы с Зямой зашагали к стойке оформления кредитов.

– Слушаю вас? – Наши сияющие улыбки вынудили строгого юношу за конторкой вежливо загнуть губы крючочками.

– Здравствуйте! – деловито сказала я, наступив на ногу Зяме, чтобы упредить какую-нибудь неуместную реплику. – Мы хотели бы знать, был ли в вашем магазине оформлен кредит по документам гражданки Кузнецовой Варвары Петровны?

– Такого рода информация является конфиденциальной, – высокомерно ответил юноша.

– Но только не для следственных органов! – с великолепным апломбом возразила я и шлепнула на стойку красную книжечку.

Этот впечатляющий документ удостоверял всего-навсего мою принадлежность к рекламному агентству «МБС», но в закрытом виде смотрелся весьма грозной ксивой. К сожалению, дотошный юноша не поленился книжицу развернуть.

– Вы вовсе не из милиции! – крючочки длинного узкогубого рта неприязненно загнулись вниз.

– Конечно, не из милиции! – кивнула я. – Видите, тут написано: «РА «МБС»! «Эр А» значит «Розыскное агентство»!

– Вау! – тихо присвистнул Зяма, на которого моя находчивость произвела впечатление.

Юноша удивленно посмотрел на него.

– Вау-бще говоря, мы не должны вам представляться! – напыжился Зяма и погрозил мне пальцем: – Это вопиющее нарушение конспирации!

– Когда речь идет о репутации солидного заведения, я готова нарушить правила! – ответила я, с намеком постучав пальцем по лежащему на стойке буклету «Мегаполиса».

Очевидно, репутация заведения юноше была небезразлична, потому что он слегка побледнел и заволновался:

– В чем дело? Объясните, пожалуйста!

Я отметила вежливое обращение и расценила его как наш первый успех.

– У нас есть основания полагать, что вчера ночью в вашем магазине был оформлен кредит на подставное лицо по чужим документам, а именно по паспорту и страховому свидетельству гражданки Кузнецовой Вэ Пэ! Проверьте, пожалуйста!

– Сейчас!

Взволнованно вибрирующий юноша отошел к компьютеру.

– А если ничего подобного не было? – шепотом спросил у меня Зяма.

Я не успела ему ответить.

– Кузнецова Варвара Петровна, пятьдесят девятого года рождения? – убитым голосом спросил юноша. – К сожалению, вы правы, вчера эта дама действительно оформила у нас кредит на покупку двухкамерного холодильника «Самсунг» новой модели.

– В котором часу? – я сделала стойку, как охотничья собака.

В этот момент на меня засмотрелся бы не только симпатичный сосед Денис, но и его верный пес Барклай!

– Примерно за час до закрытия.

– Около часу ночи? – Зяма широко улыбнулся. – На платежи по кредиту можете не рассчитывать! Гражданка Кузнецова уведомила милицию о похищении у нее документов примерно в полночь! А час спустя все еще сидела в отделении и никак не могла оказаться в торговом центре!

– Вы оформили кредит на подставное лицо, – повторила я.

– Не я лично! – встрепнулся юноша. – Я вчера не работал!

– А кто работал? – быстро спросила я.

– Ключева работала, Аня Ключева!

– Телефон и адрес гражданки Ключевой, быстро! – велел Зяма.

С перепугу бледный юноша вытянулся по стойке «Смирно!» и отбарабанил затребованный телефон и адрес наизусть, после чего неожиданно покраснел и весь обмяк. Предположив, что юношу связывают с гражданкой Ключевой какие-то особые отношения, я успокоила его обещанием не сообщать Анне, кто ее «заложил».

– Информаторов не сдаем! – заявила я.

Сгребла со стойки свое удостоверение и зашагала к выходу. Зяма потянулся за мной, но с полпути вернулся и сказал юноше что-то такое, что заставило его энергично кивнуть.

– Ты посоветовал администрации «Мегаполиса» обратиться в милицию с просьбой найти мошенников и вернуть холодильник? – предположила я.

– Нет, я посоветовал администрации «Мегаполиса» расширить ассортимент товаров за счет портативных и стационарных губоскатов! – заржал Зяма.

Я не разделила его веселья, и братец неожиданно помрачнел.

– Индюха, чем дальше в лес, тем больше дров! – некультурно плюнув на сияющий пол, объявил Зяма. – Прикинь: теперь мы будем искать не только «Хельгу», но и «Самсунг»!

Подумав, я предложила братишке утешиться тем, что наша с ним детективная задача по своему масштабу совершенно уникальна: не помню, чтобы кто-нибудь из великих сыщиков вел поиски шкафа и холодильника! Всем что-нибудь помельче доставалось: ювелирные украшения, золото, деньги – ерундень всякая.

Судя по адресу, Анна Ключева жила в соседнем с нами дворе. Поэтому мы пошли домой и по пути с двух мобильных наперебой звонили Ключевой, но ее домашний телефон производил бесконечную серию гудков – вероятно, девица после работы в ночную смену спала, а телефон просто отключила. Чтобы не терять времени, мы пошли обедать.

Папа накормил нас вкусным овощным соусом с бараниной и ни о чем не спрашивал, хотя на его лице явственно читалось любопытство. Еще бы! Мы с Зямой вдвоем никуда не ходили с тех пор, как перестали посещать детский сад, даже в школу бегали в разные смены.

В промежутке между компотом и десертом я еще раз набрала телефончик Ключевой – с тем же нулевым результатом.

– Я на работу! – сообщила я домашним, расправившись с обедом.

И снова побежала в свое «розыскное агентство».

– А вот и Инночка! – приветствовал мое появление Михаил Брониславович. – Ты-то нам и нужна!

Шеф широко и неискренне улыбался. Это меня насторожило.

– Для чего я вам нужна? – я обвела вопросительным взглядом физиономии коллег.

Катя сдвинула пальцы пистолетиком и дважды «пальнула» в меня с восклицанием: «Пуф! Пуф!», после чего сложила руки на груди крестом и обморочно откинулась в кресле.

– Опять понадобилось пушечное мясо? – расшифровала я эту пантомиму.

Катя и Зоя одинаково кивнули, шеф, напротив, помотал головой и притворно радостным голосом сообщил:

– У тебя сегодня особый день, Инночка!

– Такой же особый, как последний день Помпеи? – с нескрываемым подозрением уточнила я.

По скорбным лицам Зои и Кати можно было предположить, что мне придется существенно хуже, чем древней Помпее, от которой остались хотя бы воспоминания.

– Ой, да что ее мучить! Давайте скажем сразу! – не выдержала сердобольная Катя. – Инка, ты сегодня на телевидение идешь!

– За что? – с укором спросила я шефа.

– Не за что, а зачем! – поправил меня Михаил Брониславович. – Инночка, душенька, нам вновь заказали разворотик для цветного журнальчика. Нужно срочно сделать эксклюзивную интервьюшечку с популярными артистами... Как их? А, вот!

Шеф протянул мне вырванный из блокнота листочек, на котором поразительно неразборчивым почерком было начертано какое-то слово. Прочсть его было невозможно.

– На что похоже? – с интересом спросила меня Зоя.

– На зубцы Кремлевской стены, нарисованные двухлетним ребенком, – ответила я.

– Катька увидела панковскую прическу «ирокез», – засмеялась она. – А мне показалось, что это энцефалограмма!

– Нет-нет, это названьице очень популярной группочки! – авторитетно заявил шеф. – Сегодня вечером она дает концерт в Драматическом театрике, а перед этим появится на телевидении в передаче «Добро пожаловать!». Ты, Инночка, тоже будешь там, я договорился с Макси́ком. Задашь артистам пару вопросов и добудешь нам эксклюзивчик.

– Как в прошлый раз? – мрачно спросила я.

В прошлый раз меня откомандировали на запись телевизионной передачи с участием очень известной артистки театра и кино. Сама по себе беседа ведущего с кинозвездой была довольно скучной, интрига неожиданно выявилась в другом. Еще в самом начале записи, едва гостя развалилась в мягком кресле, на ее круглое плечико из-под кофточки-безрукавки выпала, извините за пикантную подробность, бретелька бюстгальтера. Плечико было белым, а бретелька черной, так что погрешность в такелаже бросалась в глаза. Сама актрисуля нисколько не конфузилась, а вот режиссера программы злополучная бретелька жутко нерви-

ровала. Поскольку я сидела в последнем ряду, непосредственно под огромным окном аппаратной, мне было слышно, как режиссер по внутренней связи призывает работающих в студии операторов обратить внимание звезды на беспорядок в ее туалете. Чтобы не мешать беседе, те вынуждены были прибегнуть к языку жестов, который, на взгляд актрисы, вероятно, был недостаточно выразительным. Жестикуляция парней за камерами вызвала на личике звезды гримасу легкого удивления, а на мечущегося в «авариуме» режиссера, который, словно в приступе чесотки, елозил рукой по плечу, она вообще не обращала внимания. В конце концов наиболее решительный из операторов, подчиняясь распоряжению режиссера, в полуприсяде подобрался поближе к беседующим и собственноручно заправил бретельку под плечико актрисы кофточки. Что тут началось! Звезда разразилась бурей негодования и едва не разрыдалась! Оказалось, что легкий беспорядок в ее туалете был продуманным проявлением игривого кокетства, а эти тупицы, эти мужланы, эти провинциальные хамы ничего не поняли и оскорбили, унизили, р-растоптали!

Скандал был шумный, замять его удалось с трудом. Разумеется, в смонтированной телепередаче не было и намека на пикантную суету вокруг блудной бретельки, зато я в своей статье описала это лифчик-шоу со всеми подробностями. А ушлый народ в редакции иллюстрированного журнала, заказавшего нам материал, сбацал из моей статейки целый разворот с фотографиями и дополнительными подверстками: рекламой салона элитного женского белья и подробным рассказом оператора, прикасавшегося к бюстгальтеру звезды, о пережитых им ощущениях.

– Как в прошлый раз – это будет самое то, что надо! – простодушно обрадовался Михаил Брониславович.

– Только фишка с лифчиком на этот раз не пройдет, – подала голос Зоя. – Я так поняла, это мужская группа. Мало надежды на то, что парни придут в бюстгальтерах.

– Ничего, возможно, у них будут дырявые носки, рубашки с оборванными пуговицами или толстый-толстый слой перхоти! – утешила меня Катя.

Я мрачно посмотрела на коллег, беспардонно веселящихся за мой счет, но решила в порядке исключения простить им отсутствие чуткости. У меня еще были вопросы по существу дела:

– А что поет эта мужская группа?

– Ну, что-то она поет... – уклончиво ответил шеф.

– Знаешь, у них есть такая песенка: «Та-ра-ра, та-ти, ти-та! О! Йо!» – фальшиво напела Катя. – Слов не помню. Возможно, «та-ра-ра» – это и были слова...

– Ладно, – я поняла, что заранее составить себе представление о репертуаре артистов-инкогнито не смогу. – А как они поют? Хорошо?

– Хорошо? – Михаил Брониславович почесал плешивое темечко. – Максик сказал, что они поют, как соловьи...

– Не совсем так, – деликатно поправила начальника Зоя. – Максим сказал, что они поют, как курские соловьи, контуженные в одноименном сражении!

– Короче, все вопросы – к Максиму! – подытожила Катя.

– Запись программы начинается в семнадцать ноль–ноль, но Максик очень просил тебя подъехать заранее, – сообщил шеф.

– Так я поехала? – я обрадовалась возможности загодя сбежать из конторы.

Коллеги ответили мне нестройным хором.

– Удачи! – пожелал Михаил Брониславович.

– Сделай их! – напутствовала меня Катя.

А Зоя почему-то жалостливо сказала:

– Со святыми упокой...

Надеюсь, она имела в виду участников мужской группы, которым предстояла встреча с такой чумой, как я!

До пяти часов вечера у меня была еще уйма времени, поэтому я вновь решила уделить внимание нашему с Зямой детективу. Я в очередной раз позвонила Ане Ключевой, и на сей раз удача мне улыбнулась.

– Чего надо? – бодро чирикнул в трубке девичий голос.

– Шоколада, – автоматически срифмовала я.

– Это кто? – удивилась Аня.

Очень хотелось сказать: «Дед Пихто», но я удержалась и вместо ответа строго спросила:

– Гражданка Анна Ключева?

– Ну? – растерянno отозвалась моя собеседница.

Чтобы не ляпнуть: «Баранки гну», я вынуждена была зажать себе рот. В результате образовалась интригующая пауза, и девушка занервничала:

– Кто это говорит? Чего вы хотите?

– Правдивых показаний, – веско сказала я. – Вас, Анна, беспокоит сотрудница розыскного агентства «МБС», капитан Инесса Кузнецова.

Капитанское звание я присвоила себе на том основании, что в студенческие годы была капитаном команды КВН.

– Ой! – пискнула Аня. – А что я такого сделала?

Я зажмурилась, наслаждаясь удовольствием работать с таким благодатным материалом, как Ключева.

– Вы совершили ошибку, которая может стоить вам работы, – строго сказала я. – Единственная возможность исправить ситуацию – оказать помощь следствию. Я должна вас немедленно допросить. Ваш адрес мне известен.

– Да-да, приходите, – сказала Аня.

– Я буду у вас через пятнадцать минут, – предупредила я. – Никуда не уходите, ни с кем не разговаривайте, дверь не открывайте!

С запретами я определенно переборщила. Перепуганная Аня не хотела открывать дверь даже мне самой! Пришлось долго звонить, потом стучать, а потом через дверь объяснять, кто я такая. Это привлекло внимание соседей, сразу из двух квартир на площадку выползли любопытные старички. У одного в руках была мощная лупа, а другой крепко прижимал к уху слуховой аппарат. Вероятно, это был местный вариант Шерлока Холмса и доктора Ватсона – ровесник Конан Дойла.

Аня открыла дверь на длину цепочки, но не проявляла желания пригласить меня в квартиру. Я не стала настаивать: в этих блочных домах фантастическая слышимость, если древние Холмс и Ватсон прижмутся своими морщинистыми ушами к стене, мой приватный разговор с гражданкой Ключевой станет достоянием общественности.

– Спуститесь, пожалуйста, во двор, – попросила я девушку. – Я буду ждать вас на лавочке.

Лавочку я выбрала с таким расчетом, чтобы вокруг нее была полоса отчуждения, потому что допотопные Холмс и Ватсон не поленились выползти во двор. Старички оказались неплохо экипированы для детективных дел, у них была подозрная труба, они довольно ловко установили ее на треноге посреди бельевой площадки. Оптика прибора заинтересованно посверкивала в мою сторону. Я дождалась, пока из подъезда выйдет Ключева, призывно похлопала ладошкой по скамеечке рядом с собой, после чего развернулась к дедушкам спиной из опасения, что шустрые старцы умеют читать по губам. Аня подошла и со вздохом села рядом.

– Розыскное агентство «МБС», – повторила я, показав девушке красную книжечку своего удостоверения. – Капитан Кузнецова. Вы, Аня, работали вчера в ночную смену?

– Да... – прошелестела девушка.

Я посмотрела на нее искоса: бледные щеки, трясущиеся губы, пальцы туго сплетены в замок... Однако не на шутку боится народ капитанов розыскного агентства «МБС»! Я само-довольно ухмыльнулась и покровительственно похлопала Аню по плечу:

– Успокойтесь, мы пока просто поговорим!

Почему-то это ее не сильно успокоило, наоборот, девушка начала дрожать – я почувство-вала легкую вибрацию лавочки мягким местом. Не поддаваясь неуместному чувству жалости, я достала из сумки мамулину книжку – ее Зяма приволок вместо затребованной мною фотогра-фии нашей общей родительницы. Впрочем, на задней стороне обложки сборника страшилок было такое же фото, как в украденном паспорте. Когда издательство попросило нашу великую писательницу предоставить качественную цветную фотографию, мамуля не стала сниматься специально.

– Вчера вечером, около часу ночи, вы, Анна, оформили кредит по документам, которые были украдены у законной владелицы, Варвары Петровны Кузнецовой. Вот она, – я позволила девушке рассмотреть мамулино изображение. – Объясните, пожалуйста, как это получилось? Неужели вы не видели, что перед вами совсем другой человек?

– Так это она и была! – Аня постучала по твердой глянцевой обложке крепким акриловым ногтем. – Та же самая женщина!

– Этого не может быть, – возразила я. – Эта самая женщина в это самое время уже сидела в отделении милиции, рассказывая сотрудникам, как у нее похитили документы! Вы явно пере-путали ее с кем-то другим!

– Да вы посмотрите на ее блузку! По вашему, ее можно перепутать с какой-то другой?! – воскликнула Аня.

Я послушно посмотрела. Фотограф запечатлел автора популярных ужастиков в экстрава-гантной кофточке, которая сама по себе была кошмаром. Это эксклюзивное одеяние из нату-рального шелка подарил мамуле воинствующий дизайнер Зяма, и я была абсолютно уверена, что второго такого экземпляра в природе не существует. Ярко-желтая ткань блузки пестрела квадратиками, ромбиками и кружочками алого, изумрудного и ярко-голубого цвета. При этом фасон кофточки был классическим, даже строгая Джен Эйр одобрила бы целомудренный высо-кий воротничок с плиссировкой, рукава-буфы, кокетку с мелкими зашипами и бесконечную вереницу крохотных жемчужных пуговиц. Впечатление одежда производила просто сногпси-бательное, даже на черно-белом снимке в паспорте. Аня была права: перепутать это бредо-вое творение модельера-цветопсиха нельзя было ни с чем. Разве что со стаей чокнутых бабо-чек-махаонов, разнузданно и бессистемно совокупляющихся в буйной зелени тропического леса.

– Одну секундочку, – извинившись перед Ключевой, я встала с лавочки, отошла на пару метров и, прикрываясь одним плечом от Анны, а вторым – от любопытных старичков, вся такая скукоженная и перекошенная, позвонила по мобильнику Зяме.

– Индюха, у тебя совесть есть?! – возмутился братец. – Ты опять меня разбудила! Второй раз за день!

– А нечего дрыхнуть в перерывах между кормежками, как младенец памперсного воз-раста! – отбрила я. – Зяма, живо оторви от дивана место приложения подгузников и загляни в шкаф!

– Так его же украли! – напомнил Зяма.

– Что, у нас дома других шкафов нету?! – разозлилась я. – В мамулин платяной шкаф загляни!

– Там же муза!

– Мамуля держит ее в шкафу? – против воли заинтересовалась я.

– Хм... Не знаю... – неуверенно протянул Зяма. – Должно же быть у ее Пегаса какое-то стойло!

– У мамули не Пегас, у нее какая-нибудь химера или горгулья, – напомнила я. – Тьфу, Зяма, ты сбил меня с мысли! Плевать мне, где мамуля содержит своего вдохновляющего монстра! Меня интересует ее любимая блузка – ну, та, из разноцветного шелка.

– Хочешь такую же? Могу устроить по знакомству, – предложил Зяма.

– Боже сохрани! – испуганно отскрестились я. – Я всего лишь хочу знать, на месте ли она. Слтай к мамуле и уточни, это важно!

Зяма слетал и уточнил. Выяснилось, что дивная блузка пропала бесследно! Мамуля, поглощенная творческим процессом генерации воображаемых страхов, отреагировала на трагическое исчезновение любимого наряда вяло, а вот папуля очень огорчился. Ему нравилось, когда мама надевала на себя это совместное творение безвестных куколок тутового шелкопряда и модного кутюрье-авангардиста: близорукий папуля легко находил мамулю в любой, самой пестрой толпе.

– С блузкой все понятно, ее тоже украли, – вкратце сообщила я итоги своей телефонной беседы Анне Ключевой. – Видимо, особа, которая выдавала себя за Варвару Петровну Кузнецову, предстала перед вами в этом незабываемом наряде?

Аня кивнула.

– В таком случае, я понимаю причину вашей ошибки, – вздохнула я.

Ошеломляющая блузка затмевала собой все и всех. Кто бы ее ни напялил – хоть арап Петра Великого, хоть робот с планеты Шелезяка, он легко сошел бы за женщину с фотографии.

– А вас не насторожило, что эта экстравагантная дама явилась покупать холодильник среди ночи? – я попробовала зайти с другой стороны.

– Она объяснила, что днем они собирали и грузили вещи, чтобы перевезти их на новую квартиру сына, – вспомнила Анна. – А потом ехали мимо торгового центра, увидели заманчивую рекламу «Кредит – ноль процентов» и решили кстати купить холодильник, чтобы отвезти его одним рейсом с другими вещами, не платить отдельно за доставку. Очень разумно, по моему.

– Вы, случайно, не видели, какие еще вещи были у них в машине? – встрепенулась я. – И что это была за машина – марка, номер?

– Эта Варвара Петровна... Ну, фальшивая госпожа Кузнецова! Она забыла на стойке гарантийные документы на новый холодильник, – вспомнила Анна. – Я побежала за ней вдогонку, отдала книжечку и мельком видела в фуре под тентом какой-то шкаф...

– Угу! – кивнула я. – А что насчет машины?

Девушка развела руками:

– Признаться, на машину я не обратила внимания. Не такая большая, как грузовик, возможно, импортная – тронулась она очень тихо, мотора вовсе не слышно было... Я, вообще говоря, только сзади машину эту видела, и то недолго, поздно ведь было, ночь, у нас фонарь лишь над дверью горел...

– Может, грузчики запомнили какие-то подробности? – не отставала я.

– А грузчиков и не было! – ответила Анна. – Наши магазинные, извините за подробность, вечером что-то отмечали, водки нажрались и в час ночи уже дрыхли в подсобке. К счастью, у этой фальшивой Варвары свои биндюжники были, два здоровых мужика в рабочих комбинезонах, с грузчицкими лямками. Они сами «Самсунг» и погрузили, я только радовалась, что наших алкашей будить не пришлось.

– Спасибо, Аня, вы мне очень помогли, – сказала я, сочтя разговор законченным.

– Меня не уволят? – с надеждой спросила девушка.

– Если мое мнение будет иметь значение, обещаю замолвить за вас словечко, – сказала я и покосилась на престарелых детективов, которые по-прежнему пялились на нас в подзорную трубу.

В другое время тот факт, что за мной наблюдают, как за небесным телом, мог бы мне польстить, но сейчас был явно не тот случай. Вдобавок, стоило только мне устремить на старых надоед нарочито суровый взор, как фотоаппарат-мыльница в артритных руках одного из патриархов сыска и слежки вызывающе блеснул вспышкой.

– Они нас сфотографировали! – возмутилась я.

Клюева смущенно засмеялась:

– Ой, не обращайтесь внимания! Это мои соседи, деда Ваня и деда Вася. Они за мной следят.

– Это еще зачем? – удивилась я. И, вспомнив классический сюжет «Сусанна и старцы», заподозрила в древних шпиках скрытых сластолюбцев. – Заигрывают, что ли?!

– Заигрывают, точно, – вздохнула девушка. – Но не со мной, а с моей бабушкой. Это она ко мне эту пару плешивых нянек приставила. У меня знаете, какая бабушка? Бывшая прима-балерина! Семьдесят два года, а осанка, как у королевны! Зубы вставит, шиньон нацепит, корсет затянет – ее деда Ваня и деда Вася сослепу за меня принимают! Деда Ваня как-то раз в потемках у мусоропровода даже ущипнул меня за задницу и очень сконфузился, когда понял, что ошибся. Я ей тогда сказала: «Ба, это не за мной, это за тобой глаз да глаз нужен! Мои кавалеры не такие нахальные, волю рукам не дают, а твои старцы, облезлые плейбойские зайцы, слишком много себе позволяют!»

– Забавно, – пробормотала я, поглядев на часы.

Медленно, но верно приближался мой звездный час на местном ТВ. Отпустив с миром свидетельницу Клюеву, я помахала ручкой благородным пожилым кабальеро Ване и Васе и зашагала к троллейбусу.

Ближе к вечеру в общественном транспорте заметно прибавилось народу, так что путь мой на телевидение – восемь длинных троллейбусных остановок – был не только долог, но и многотруден: я страдала от жары и духоты, и местечко усталой даме никто не уступил. Так что из троллейбуса я вылезла красная и злая, как острый перец. Очень хотелось плюнуть в кого-нибудь кипящим ядом, так что Максим Смеловский подвернулся мне весьма кстати.

– Привет бойцам видимого фронта! – сердито приветствовала я приятеля, развалившегося в креслице уличного кафе.

Пластмассовое сиденье здорово смахивало на мыльницу, а сам размякший и потный Макс – на склизкий обмылок.

– Здорово, – безрадостно отозвался он. – Видимый фронт в твоей версии – это что?

– Телевизионный эфир, конечно, – я устало опустилась в соседнее кресло и бесцеремонно потащила к себе запотевшую бутылку с пенящейся коричневой газировкой.

Успела сделать большой глоток, а потом жади́на Макс отнял у меня емкость с прохладительным напитком и жадно к ней присосался.

– Что ты, Максущка, не весел? Что ты голову повесил? – вяло поинтересовалась я.

– Я готов повеситься целиком, только лень веревку искать, – горестно пробублькала Макс сквозь газировку.

Я подперла щеку кулаком, изобразила на лице доброжелательный интерес и приготовилась слушать.

Максим Смеловский большой любитель трагических монологов. Его хлебом не корми, дай только расписать в самых черных красках какое-нибудь невинное событие! Легкая головная боль для Макса – предвестник мучительной смерти, задержка заработной платы – начало конца света, а отдаленная в трамвае мозоль – доказательство непоправимого упадка уровня общественной культуры. Своими причитаниями мизантроп Максим не раздражает только одного человека – мою мамулю, которая постоянно зовет его к себе в соавторы и заодно – в зятя. Я категорически против! Не потому, что Максик мне не нравится. Нравится! Именно

поэтому я не хочу убить его сковородкой в первое же утро нашего супружества, когда он скорчит трагическую физиономию над пригоревшим омлетом.

Мы с Максом старые друзья-приятели, вместе учились в педагогическом. В те стародавние времена Максимка был идеалистом и романтиком, поэтому по окончании вуза он с радостной готовностью пошел работать в школу, где целый учебный год сеял разумное, доброе, вечное. В той же борозде Макс похоронил свои иллюзии, сделавшись за непродолжительный период времени между первым звонком и последним удивительно желчным и язвительным типом. Поработав в так называемом «классе коррекции» – подразделении отборных хулиганов и двоечников, – Макс пришел к выводу, что преподавать русский язык и литературу в средней школе должны исключительно морские пехотинцы и смелые парни, окончившие цирковое училище по классу «Дрессура диких животных». Через пару лет, проведенных в поисках наилучшего места применения своих способностей, Максим пристроился на телевидение, где и процветает, получая стабильную зарплату и купаясь в зрительских симпатиях. Что несколько не мешает ему обильно плакаться в каждую встречную жилетку на манер безутешной Царевны Несмеяны.

– Ну, рассказывай! – разрешила я.

Макс только того и ждал. Вскоре я уяснила, в чем причина его дежурных страданий. Оказалось, что жизнь приятелю страшно омрачает предстоящая запись телепрограммы с той самой вокальной группой, название которой мы безрезультатно разгадывали всем коллективом «МБС».

Нынче вечером Максу – и мне вместе с ним – предстояло провести два часа в компании с парнями из популярной группы «Смывки».

Популярным коллектив был не у самого Макса, а у подрастающего поколения в возрасте «до шестнадцати». Девчушки-фанатки в маечках с портретами кумиров уже разбили лагерь на ближних подступах к телекомпании, взяв здание в плотное кольцо. Чтобы выйти из офиса на перерыв, Максим вынужден была прорывать осаду, и сразу после полдника ему предстояло повторить этот воинский подвиг. Приятель специально для этого купил в ближайшем магазине игрушек водяной пистолет и уже заправил его недопитой пепси-колой. Теперь Макс с подозрительным прищуром рассматривал близкий плакат, который зазывал горожан на концерт группы «Смывки», представляющей свой мега-супер-пупер-популярный альбом «Полный отстой». Приятель явно раздумывал, не испытать ли боевой пепсимет на нарисованных физиономиях. Надо бы попросить Максиковых коллег проследить, чтобы эмоциональный ведущий разоружился перед входом в студию прямого эфира. Иначе замочит он гастролеров во всех смыслах!

– Спасибо, что выслушала! – печально поблагодарил меня Максим, закончив исповедь, и вытянул из кармана просторных летних штанов тонкую книжечку. – Прими в знак благодарности. Почитай, пригодится.

Брошюрку под названием «Системы отопления, водоснабжения и канализации» он походя прихватил с книжного развала в соседнем парке. Изучая раздел, целиком и полностью посвященный проблемам ассенизации и утилизации отходов человеческой жизнедеятельности, Макс ногтем подчеркивал в тексте специфические термины, которые могли пригодиться ему в ходе грядущего обсуждения со «Смывками» их отстойного альбома.

Я лениво рассмотрела цветную картинку на обложке книжицы. Огненно-рыжий юноша в алой косоворотке, вероятно, олицетворял собой укрощенные отопительными системами пламя, а облаченная в струящееся синее платье девица с голубыми волосами красавицы Мальвины символизировала водоснабжение. От идеи аллегорически изобразить канализацию художник почему-то отказался.

– Третий лишний! – озвучила я это свое соображение.

– Кстати, о лишних! – слабо трепыхнулся Макс. – Ты в курсе, что Кеша запретил пускать тебя в студию? Он считает, что ты непоправимо испортила нам репутацию. Ты у нас теперь персона нон грата.

Я обиделась. Кеша – это тот самый неврастеник-режиссер, чье чувство прекрасного оскорбила лямка актрисулиного лифчика. Сам спровоцировал скандал, а на меня валит!

– Ваш режиссер с попугайским именем – просто дурак! – грубо сказала я. – Честно говоря, я к вам на передачу не просилась, с радостью обошлась бы без сомнительного удовольствия созерцать фрагменты чужого белья, но раз меня не велено пускать, это в корне меняет дело! Я непременно пролезу в студию, сяду в первом ряду и буду скандировать: «Ке-ша! Попка – дурак!»

– Я не возражаю, – Макс хищно улыбнулся. – Мне будет даже приятно, если кто-нибудь наконец умоет нашего зазнайку!

Я поняливо кивнула и хихикнула. Великий телеведущий Максим Смеловский и великий телережиссер Иннокентий Пальцев скрыто враждуют. Во-первых, у них совершенно разное представление о шедевральном телевизионном продукте, во-вторых, оба хотят мировой славы еще при жизни. Моя скандальная статья о лифчик-шоу скомпрометировала режиссера Кешу, но добавила известности Максусу, так что он должен быть мне благодарен. Кстати, надо будет как-нибудь это использовать...

Я оценивающе посмотрела на приятеля, прикидывая, какую корысть могу извлечь из его чувства признательности. Под моим взглядом Макс заерзал в кресле. Я подумала, что он нервничает, но Максим всего лишь подвинулся, чтобы достать пакет, помещавшийся у него за спиной:

– Держи, тут твой вечерний маскировочный наряд!

Я взяла пакет, заглянула в него и увидела нечто, похожее на шкурку безобразно заросшей каракулевой овцы.

– Это парик, – развеял мое недоумение Макс. – Одолжил его в нашей костюмерной.

Я просунула указательный палец в одну из тугих иссиня-черных спиралей и подергала ее. Круто завитые локоны держали форму почти так же хорошо, как диванные пружины.

– Я буду похожа на Суламифь, – пробормотала я, но все-таки напялила на голову парик и начертила в воздухе пальцем шестиконечную звезду Давида.

– Очень мило, – похвалил Макс. – Теперь намажь свое загорелое лицо белилами – флакончик там же, в пакете, нашел его в нашей гримерке. Отлично! А теперь последнее, но немаловажное: надень, пожалуйста, этот милый халатик.

– Милый? – усомнилась я, развернув длиннополый лапсердак из отбеленной бязи.

Единственным украшением посконного одеяния служили деревянные пуговицы, формой и размером напоминающие тартинки с неровно обкусанными краями.

– Я позаимствовал его у нашей уборщицы, – невозмутимо сообщил Макс. – Тебе не нравится? Фасончик немного аксетичен, но вполне сойдет за «от кутюр», потому что натуральные экологически чистые материалы сейчас в моде. А главное, эта белая ряса закрывает твои выдающиеся ноги! Теперь тебя и родная мама не узнает.

Я достала пудреницу, по частям придирчиво рассмотрела свое отражение в маленькое зеркальце и нашла, что родная мама не просто не узнает меня: она, чего доброго, примет меня за свою кошмарную музу! Бледная, как рыбье брюхо, с наэлектризованными черными космами и в похожем на саван балахоне я выглядела просто отпадно! Чтобы соответствовать пугающему имиджу «Смерть с косой», мне достаточно было заплести волосы. Можно было ожидать, что в студии вокруг меня образуется полоса отчуждения.

– У нас еще полчаса до старта, – сообщил Максим, посмотрев на ручной хронометр. – Ты что-нибудь съешь?

– Таблеточку валерианочки, пожалуй, – ответила я.

Собственное стремительное превращение в Бабу Ягу меня огорчило. Как же легко, оказывается, потерять всякую женскую привлекательность! Я немедленно дала себе слово завтра же сходить в парикмахерскую, посетить солярий и обновить маникюр. Нет, лучше сегодня же, сразу после телешоу!

– Может, по пятьдесят капель? – предложил Максим, внимательно наблюдающий за моими переживаниями. – У тебя, наверное, после вчерашнего головушка болит?

Я непонятливо уставилась на него.

– Разве ты вчера не напилась, как свинка? – осторожно спросил Макс.

– С чего ты взял?! – оскорбилась я.

Я крайне редко употребляю алкогольные напитки в количествах, способных ощутимо повлиять на мое настроение и самочувствие. По правде говоря, мне много не надо: от одного-единственного бокала вина у меня катастрофически подкашиваются и ноги, и нравственные устои. И Макс, мой давний ухажер, знает об этом лучше других! Сколько раз на студенческих вечеринках он коварно пытался подлить мне в кофе порцию рома, которой хватило бы для полного кайфа старому пирату.

– Но ты несла такой бред! – округлил глаза Максим.

– Когда это? – удивилась я.

– Видишь, ты даже не помнишь! – приятель обрадовался, что уличил меня в притворстве.

– Чего я не помню?!

– Похоже, что ничего! – ухмыльнулся Макс. – Ты же звонила мне среди ночи и черт-те что говорила!

Я вытаращилась на Максима, как баран на новые ворота – вероятно, в этот момент каракулевый парик был мне особенно к лицу.

– Ты сказала что-то вроде: «Ох, какой ты дурак! Все, ты как хочешь, а я так больше не могу! Нужно что-то менять!» – Макс перестал жеманно пищать, бездарно и абсолютно непохоже имитируя мой голос, и заговорил вкрадчивым баритоном, обычно приберегаемым им для особых случаев:

– Дорогая, что ты хотела этим сказать? Может быть, ты устала от неопределенности наших отношений и наконец-то созрела для замужества?

Он перегнулся через стол и сцапал мою похолодевшую руку с далеким от идеального маникюром.

– Ты с ума сошел?! – пискнула я. – Я ничего такого не думала! И не говорила! И вообще тебе не звонила! Это была не я!

– Кокетка, – с укором сказал Макс, неохотно выпуская мою руку. – Мучительница!

– Нам пора идти в студию! – поспешно заявила я, на всякий случай убирая руки подальше от спятившего кавалера – в глубокие карманы моднячего уборщицкого халата. – Тебе перед записью еще пудриться и причесываться, а я бы в туалет сходила...

Упоминание о такой низменной прозе жизни, как посещение уборной, окончательно убило романтические порывы Макса, и мы заторопились к зданию телекомпании. На столике под дуновением ветерка, словно крылья бабочки, влипшей в лужицу варенья, трепетали страницы забытой брошюры. Видимо, с вопросами к «Смывкам», несущим искусство в массы с помощью систем канализации, Макс уже определился.

Запись очередной передачи «Добро пожаловать!» тяжело далась всем участникам процесса. «Смывки» оказались наглыми невоспитанными парнями в несвежих одеждах. Они явились в студию изрядно подшофе и вовсе не пытались скрыть это обстоятельство, наоборот, требовали налить им еще прямо под объективами камер. В шумной свите артистов нашелся услужливый идиот, притащивший поднос с чашками, доверху наполненными отнюдь не чаем, а выдержанным коньяком. Раздосадованный Макс немедленно съязвил по этому поводу, назвав звездный квартет «Смывки» четырехзвездочной командой.

Ничего интересного подданные парни городу и миру не поведали, но без скандала не обошлось, так что материал для очередной сенсационной статьи я все-таки получила!

Сопровождающие артистов лица, в большинстве своем тоже нетрезвые, устроили шумный дележ очередного гонорара «Смывок» прямо под дверью студии и в процессе рукомашества умудрились зацепить рубильник. В студии мгновенно погас свет и вырубилась вся техника. От неожиданности я выронила карандаш, которым скуки ради рисовала в блокноте карикатуру на злого Макса, и вынуждена была нагнуться за ним.

В этот момент над моей головой что-то просвистело, в общем встревоженном гомоне послышался чей-то болезненный вскрик, трескучий звук удара, снова вскрик и злорадный басовитый смешок. Пьяную ругань в коридоре заглушил чей-то абсолютно трезвый яростный мат с вкраплениями специальных электротехнических терминов. «Смывки» и иже с ними были громогласно обозваны стадом идиотов, после чего свет в помещении вновь загорелся и камеры включились.

Я выползла из-под мягкого стула, под которым благополучно переждала смутное время, уселась и с большим интересом изучила изменившуюся обстановку.

Максим Смеловский, минуту назад аккуратно причесанный, демонстрировал художественно вздыбленную прическу, способную посрамить мой каракулевый парик и вызвать приступ острой зависти у Зямы. Гостей в студии стало меньше: дезертировал кое-кто из зрителей, и куда-то смылся один из «Смывок».

С образовавшегося из квартета трио можно было рисовать иллюстрацию к сказке «Три поросенка»: парни так испуганно таращили глаза на Макса, словно он был злым и страшным серым волком. Тот полнозубо улыбался и нежно поглаживал кожаную папку, из которой высыпались на пол листы с текстом. Я заподозрила, что прозвучавший в потемках треск произошел от соприкосновения этой самой папки с лысой головой маленького живчика, наиболее активно мешавшего Максиму вести программу. Живчик перестал мешать, дергаться и подпрыгивать, сидел ровно и тихо держался за голову.

С африканских косичек рослого брюнета, сидевшего за столом напротив ведущего, стекали ручейки желтой жидкости. Пустые чайные чашки валялись под столом, одна из них разбилась на куски. Третий участник группы, кудрявый блондинчик с физиономией пьяненького ангела, недоуменно таращился в угол, под раскидистую пальму в декоративном горшке. Из-под деревца тянулись чьи-то ноги в тяжелых ботинках. Ноги вяло шевелились, из угла доносились жалобные стоны – бэк-вокал четвертого из «Смывок».

На этом официальная часть программы вынужденно закончилась, и бледный от волнения режиссер Кеша срывающимся голосом предложил посторонним гражданам очистить помещение. Очищая студию от себя, я опасливо обошла валяющийся на ковролине кусок кирпича и подумала, что в ряды поклонников группы «Смывки» явно затесался какой-то антифанат! Хорошо еще, в артистов запустили камнем, а не тухлым яйцом или дохлыми кошками, а то вони было бы – страшное дело!

Я зарулила в туалет и избавилась от грима и костюма. Оставила реквизит у вахтера, обещавшего передать пакет Максиму, подумала и решила, что для меня лично телевизионное мероприятие вполне удалось. Во-первых, я получила свою сенсацию. Во-вторых, шоу закончилось раньше, чем планировалось, и я успевала домой прямо к ужину. В-третьих, Максим был так занят разговором с Кешей, что не заметил моего ухода и не стал напрашиваться в провожатые.

В наилучшем расположении духа я прибыла домой и обнаружила, что моя персональная белая полоса еще не закончилась. Сегодня мироздание было ко мне благосклонно – наверное, спешило скомпенсировать многочисленные вчерашние неприятности. К нам в гости явился Ваня Горин!

Его очаровательный мужественный голос я услышала из прихожей. Ваня хвалил последнее мамулино произведение – повесть с многообещающим названием «Кариозный зуб вампира». Ванечка был художником-иллюстратором мамулиных ужастиков.

Я пришла, когда Ваня и мамуля уже вставали из-за стола, на котором высились величественные руины большого торта. Разрушение архитектурно-кондитерской конструкции продолжал сладкоежка Зяма, я поспешила ему помочь, отклонив любезное предложение папули отведать сначала новый салат с морепродуктами. Ванечка и наша муттер уединились в кабинете, чтобы еще поработать над иллюстрациями к новой книжке. Папуля ушел в кухню, чистить картошку для запеканки к завтраку.

– Ну, что скажешь? – нечленораздельно спросил Зяма, энергично перемалывая зубами кирпичики сухого безе.

– По поводу торта? – уточнила я, буравя ложечкой бисквит. – Торт отличный, папуля превзошел себя!

Папуля с переброшенным через локоть кухонным полотенцем немедленно возник в дверях и благодарно отвесил мне церемонный поклон. Я вежливо поаплодировала ему свободной рукой, пошлепав ладонью по усыпанной крошками столешнице.

– Торт меня уже не интересует, – насытившийся Зяма тяжело отвалился от стола. – Я тебя про мой шкаф спрашиваю! Ты что-нибудь выяснила?

Я пересказала братцу свою беседу с Анной Ключевой.

– И что это нам дает? – почесал голову Зяма.

– Пока не знаю, – честно призналась я. – Надо подумать.

– Так думай! – потребовал братец, рывком отодвигая от меня блюдо с остатками торта.

– Фигушки! – возразила я, возвращая блюдо на место. – Сначала скажи мне, как охмурить Ваньку!

– Ты же еще не нашла шкаф! – Зяма продолжил глупую игру в перетягивание торта.

– Но уже начала его поиски! – Я сцапала с блюда последний кусок бисквита и показала Зяме язык. – По всем правилам детективного дела мне положен аванс, так что с тебя уже причитается. Давай начинай способствовать зарождению нашего с Ванькой романа!

Зяма нехотя признал справедливость моего требования и выдал мне один из Ванькиных секретов. Оказалось, до сих пор я действовала абсолютно неправильно! Горину, видите ли, никогда не нравились смелые девицы (бестактный Зяма сказал «нахальные»), которые сами берут в руки инициативу и вообще все, до чего дотянутся. Ванин интерес к активным видам спорта и отдыха ограничивается горными лыжами и серфингом, а для близких отношений он ищет девушку кроткую, нежную, готовую без устали восторгаться его смелостью и безропотно штопать лыжные носки и протертые плавки, ожидая возвращения любимого с горных вершин и из морских далей. Я недоверчиво хмыкнула. Участь Пенелопы не казалась мне завидной.

– Ладно, я попробую, – неуверенно проговорила я. – Значит, кроткая, нежная, боязливая и заботливая?

– Буквально, Индюха, твой портрет! – издевательски заметил Зяма. – С чего начнешь? Хочешь, я сбегаю в кабинет и посмотрю, нет ли у Ваньки прорехи на пятке?

– Нет, для художественной штопки я еще не созрела, это слишком интимно, – призналась я. – Может, я для начала просто немного повосторгаюсь его загаром, полученным под солнцем высокогорий? Расскажу, как восхищают меня отважные мужчины – повелители сноубордов и укротители лыжных палок...

– Давай, готовь речь, – согласился Зяма. – Время у тебя есть, думаю, мамуля Ваньку сегодня изрядно помордует. Во-первых, она не в духе, потому что ее неожиданно покинула муза. Во-вторых, ей не нравится предложенный художником образ Дракулы, остро нуждающегося в профессиональной стоматологической помощи.

– О вы, стремительно летящие по горным склонам под скрип сверкающего наста и коленных чашечек... – заунывно затянула я нараспев, скользящим шагом биатлонистки покидая общую гостиную.

Мне нужно было уединиться, чтобы продумать новую тактику оболыщения Ваньки.

Денис Кулебякин, хозяин бассета Барклай и трехкомнатной квартиры, которую упомянутый бассет искренне считал своей собственной просторной конурой, стоял на балконе, приложив сложенные щепотками пальцы к плечам и развернув носки. На счет «и – раз» он глубоко приседал, морщась при звуке противного щелчка, издаваемого правым коленным суставом, на «и – два» вытягивал руки вперед, а на «три-четыре» производил те же действия в обратной последовательности.

Какого черта ему вздумалось на ночь глядя исполнять на свежем воздухе незабываемые па утренней гимнастики, Денис и сам не понимал. Вероятно, вспышку физкультурного энтузиазма спровоцировала соседка с седьмого этажа, изумительно фигуристая барышня с дерзким взглядом и высокомерно задранной носиком. Денису вдруг пришло в голову, что он и эта Инна неплохо смотрелись бы вместе, и он тут же озабоченно пощупал себя за бочок, проверяя, не утратило ли его собственное тело приятной упругости. Вроде не утратило, но Барклай, которого Денис тоже пощупал за бочок для сравнения, определенно был в лучшей форме. В принципе, Барклай тоже неплохо смотрелся бы рядом с Инной – где-то на уровне коленок, но Денис метил выше: его интересовало девичье сердце. Это для начала, а потом, возможно, сердце и рука!

Поддавшись порыву, Денис зарылся в недра платяного шкафа и в дальнем углу, под наслоениями более актуальных одежд, нашел премилые золотистые шортики, которые не надевал со времени завершения обучения в Академии физкультуры. Эластичные штанишки в комплекте с маечкой солнечно-желтого цвета образовывали комплект, который студенты-физкультурники надевали для показательных выступлений в стенах альма-матер. Это была общая форма, игривый фасон которой придумал кто-то из преподавателей. Кто именно – студенты не знали, хотя не одно поколение первокурсников, впервые обрядившись в желтушный наряд, загоралось желанием найти изобретателя костюмчика и набить ему морду. Дюжие атлеты, акробаты и пловцы в спортивной форме детсадовского фасончика имели незабываемый вид.

В последний раз Денис натягивал золотые шортики на экзамен по бальным танцам, когда исполнял перед мечтательно жмурящейся преподавательницей польку-бабочку. С тех пор штанишки бестолково лежали в шкафу, хотя пара Денисовых однокурсников, переквалифицировавшихся из акробатов в стриптизеры, сэкономила благодаря форменным институтским шортикам на сценических костюмах. Денис же после небольшой переподготовки трудился в краевом Управлении внутренних дел экспертом-криминалистом и до сих пор не имел возможности попробовать себя в жанре боди-шоу.

Теперь куцые штанишки пригодились: в летнюю жару это была самая подходящая гимнастическая форма.

– И – четыре! – в очередной раз выдохнул Денис, распрямляя колени.

Он немного устал и запыхался, потому что выполнял упражнение в слишком высоком темпе.

– Минутный отдых! – сам себе сказал притомившийся физкультурник, наваливаясь животом на перила балкона.

Крупная вечерняя звезда игриво подмигнула ему, и тут же ровно засветилось окно на седьмом этаже. В ярком электрическом свете за незашторенным окном Денис увидел красотку Инну. Уставившись немигающим взором в звездную высь и шевеля губами, она задумчиво расстегивала пуговицы блузки. Очевидно, идея стриптиза витала в воздухе.

– Ух ты! – выдохнул Денис.

Легкая кофточка скользнула вниз, а задумчивая стриптизерша завела руки за спину, очевидно, нащупывая застежку бюстгальтера.

– Повезло мне с квартирой! – пробормотал Денис, имея в виду, что ему повезло с соседкой.

Собственно, квартира-то у Дениса была не из лучших. К примеру, жилище его соседей снизу состояло не из трех, а из четырех комнат. По задумке архитектора, спроектировавшего девятиэтажку, здание должно было иметь осязаемое сходство с заточенным карандашом. Поэтому у него была острая двускатная крыша, которая «съела» немало площади на восьмом этаже и свела к минимуму жилое пространство девятого, где вообще не было балконов. У Дениса балкончик все-таки был, правда, вдвое меньше, чем у соседей снизу.

Красотка Инна благополучно справилась с бюстгальтером, вызвав тем самым бурные аплодисменты публики в раскрасневшемся лице Дениса. Не зная, какой фурор она производит, девица небрежно отбросила кружевную тряпочку в сторону и скрестила руки под грудью, продолжая задумчиво таращиться в ночное небо.

Наслаждаясь бесплатным шоу, Денис еще подался вперед, и в этот момент из глубины квартиры на балкон вышел бассет Барклай. На его вытянутой бело-коричневой морде изображалось искреннее недоумение пополам с обидой. Пес не мог понять, чем вызвана досадная задержка сигнала к отправлению на вечернюю прогулку.

Увидев хозяина, чья поза была воплощением огромного внимания, Барклай укоризненно тявкнул и помчался выяснять, что к чему. Он с разбегу прынул грудью на балконное ограждение и вытянул шею, чтобы приблизиться к объекту, столь интересному для его хозяина. В это момент центр тяжести собачьего организма оказался выше уровня перил, и Барклай перекинулся через ограждение, даже не успев взвизгнуть.

Испуганный вскрик сорвался с уст Дениса, который не успел увидеть красивое собачье сальто полностью и заметил акробатический этюд Барклая уже на финальной стадии, в момент приземления собаки на чужой балкон.

– У-у-у! – жалобно протянул бассет, снизу вверх таращась на хозяина, который в свою очередь таращился на него сверху вниз.

– Ты с ума сошел! – шепотом сказал псу Денис. – Это же чужой балкон! Немедленно прыгай обратно!

Барклай сел на попу, склонил голову набок и посмотрел на Дениса с немым укором. Денис понял, что, предложив бассету совершить прыжок на трехметровую высоту, он сильно переоценил возможности питомца. Этот трюк был бы под силу разве что тигру. Кульбитом с верхнего балкона на нижний длинномерный коротколапый Барклай полностью исчерпал свой репертуар эффектных цирковых номеров.

Денис посмотрел на окно, за которым раздевалась девушка Инна, и обнаружил, что стриптизерша уже покинула сцену и даже опустила занавес, то есть задернула шторы.

– Ладно, олух, сейчас я тебя вытащу! – пообещал хозяин Барклаю. – Сиди там и никуда не уходи!

Бассет послушно принял позу сфинкса. Денис осторожно перебрался через ограждение своего балкона и мягко спрыгнул вниз.

– Гав! – негромко произнес Барклай.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Денис. – Поднимайся на ноги, я посажу тебя наверх... Тьфу ты!

– Гав! – подтвердил бассет.

Денис ожесточенно почесал в затылке. Только теперь до него дошло, что посадить бассета наверх без лестницы или хотя бы высокого стула никак не получится. Ничего похожего на заготовки для сооружения пирамид и баррикад на чужом балконе не было, если не считать хрупкой многоступенчатой полочки для низкорослых горшечных растений. По ней на верхний

этаж могло бы с легкостью взбежать какое-нибудь мелкое животное, в диапазоне от мышки до кошки.

– Какого черта я не завел хомяка?! – в сердцах буркнул Денис.

Барклай глубоко вздохнул и положил голову на лапы, разбросав мягкие замшевые уши по полу. Его хозяин еще раз яростно взъерошил собственную шерсть на голове и настороженно прислушался к звукам, доносящимся из-за балконной двери. Два голоса – женский и мужской – оживленно обсуждали проблему художественного воплощения зримых образов мистических существ и магических животных. В данный момент дискутировался вопрос об уместности или неуместности теплых пастельных тонов в живописном изображении призраков и привидений.

– Иди сюда, магическое животное! – шепотом призвал Денис Барклая и сам на четвереньках пробежался под окном в дальний угол балкона, где стояли небольшие напольные весы.

Бассет послушно притрюхал на зов, но проявил досадное отсутствие сноровки при исполнении нехарактерной для кинологии команды «Взвешивайся!». Денис вынужден был взвеситься сначала вместе с сильно удивленной собакой, потом самостоятельно. Разница в показаниях прибора составила живой собачий вес: тридцать три килограмма.

– Две пудовые гири! – резюмировал Денис. – Определенно не выжму!

Идея забросить пса на родной балкон руками хозяина оказалась нежизнеспособной.

– Сиди здесь! – повторно распорядился мужчина, начиная одиночное восхождение. – Я тебя вытащу!

Через несколько минут на балкон, предоставленный в полное и единоличное распоряжение бассета, плавно опустилось просторное светлое полотнище, отдаленно напоминающее женскую юбку на кринолине. Следом прыгнул Денис. Он улыбался.

Если бы в этот момент кто-то имел возможность взглянуть на два балкона со стороны, ему открылось бы прелюбопытное зрелище.

К перилам балкона на восьмом этаже липкой лентой был примотан спиннинг, леска которого уходила вниз, на балкон седьмого этажа, и удерживала на крючке невиданное рыбацкое счастье – ситцевый пододеяльник в мелкую розочку. Конструкция, отдаленно напоминающая парашют на вышке, призвана была сыграть роль подъемного устройства для Барклая.

– Сиди и не рыпайся! – напутствовал четвероногого друга Денис, заталкивая бассета в пододеяльник.

Для пущей надежности он в трех местах прихватил ромбовидный разрез пододеяльника прищепками, снятыми с чужой бельевого веревочки. Барклай послушно сидел и не рыпался, кротко поблескивая в щелочку между двумя прищепками влажным глазом. С веревки на собачью спину свалился влажный дамский бюстгалтер, но пес кротко снес это издевательство, а его хозяин вообще ничего не заметил.

Денис вновь вскарабкался на свой балкон и с помощью спиннинга подтянул поближе «ухо» пододеяльника, прочно нацепленное на большой рыболовный крючок.

– Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота! – вполголоса произнес он и с натугой вздернул вверх постельную принадлежность, отягощенную содержащимся в ней двухпудовым псом.

В этот момент балконная дверь внизу открылась, и до слуха Дениса донесся женский голос, несколько взвинченно выговаривающий:

– Но, Ванечка, милый, эта иллюстрация неправдоподобна! Где же вы видели привидения розового цвета?!

– Варвара Пе... Ой!

На балконе седьмого этажа послышался тихий всхрип и сразу за ним – треск оборванной занавески и приглушенный шум падения крупного предмета, возможно – мягкой мебели. Встревоженный Денис напряг мускулы, рывком вздернул вверх тяжелый пододеяльник, и упа-

кованный в веселенький ситчик Барклай взмыл вверх. Вероятно, особого удовольствия это ему не доставило: пес тревожно ворочался и испуганно подвывал.

– Басенька, что тут случилось? – Папуля первым ворвался в просторную комнату с балконом, которую мы великодушно отвели мамуле в качестве рабочего кабинета.

– Что случилось? – Я поспела второй.

Меня задержала необходимость набросить на легкомысленную ночную сорочку халат, в котором я могла бы изображать для привередливого Ваньки домовитую Пенелопу. Халат пришлось позаимствовать у Зямы, благо, он постоянно оставляет его на крючке в ванной. Длиннополое одеяние из плотного велюра нежного персикового цвета с золотой искоркой не имело застежек, так что я вынуждена была придерживать расходящиеся полы руками.

– Что? – Зяма прискакал последним и даже не сумел толком сформулировать вопрос.

Впрочем, его вытянутый указательный палец позволял догадаться: Зяму интересует, что делает на полу Ваня Горин, укрытый оборванной тюлевой занавеской, как павший воин – флагом горячо любимой родины.

– Привидение! – коротко ответила мамуля, демонстрируя поразительную невозмутимость.

– Это? – спросил близорукий папа, недоверчиво щурясь на закуклившегося Ваню.

– Надо бы посмотреть, что с ним! – явно робея, шепнул мне на ухо Зяма, не унаследовавший ни капли мамулиного хладнокровия.

Я обошла папулю, застывшего посреди комнаты с венчиком для взбивания крема, присела на корточки перед Ванькой и похлопала по тюлевому кокону, выбив из него облачко пыли.

– Кто это?! – пискнул мой мужественный герой.

– Ты живой? – спросила я. – Вставай, повелитель занавесок!

Пристыженный Ванька выпутался из тюля, опасливо высунул нос на балкон и сообщил, неумело маскируя заикание замедленным темпом речи:

– О-но у-ле-те-ло!

– Оно не улетело! – авторитетно поправила его мамуля.

Она даже не заметила, что сразу после этого заявления Ванька резво протрусил в дальний от балкона угол кабинета и спрятался за письменным столом.

– Оно вознеслось! – объявила мамуля. – Прянуло ввысь, одним мощным рывком преодолев земное тяготение, и, мучительно содрогаясь, растаяло во мраке ночи!

В углу мучительно содрогнулся Ваня Горин, по лицу которого было видно, что он тоже не прочь растаять во мраке ночи, одним мощным рывком преодолев четырнадцать лестничных маршей от нашей беспокойной квартиры до мирного двора. Зато папуля, я и даже трусоватый Зяма ухом не повели! Характерные интонации и драматическое тремоло мамулиного голоса свидетельствовали о том, что на нашу великую и ужасную писательницу вновь накатило пугающее вдохновение. Мамуля плотоядно улыбнулась и потянулась к клавишам пишущей машинки.

– Она снизошла! – тихо пробормотала я. – Прянула вниз, уступив земному тяготению!

– М-м-м? – вопросительно глянул на меня папуля.

– Муза! – одними губами шепнула я в ответ.

Папуля кивнул и тоже шепотом сказал:

– Тс-с! Не спугните!

Он на цыпочках пошел прочь из кабинета, одновременно выталкивая за дверь всех, кто не имел непосредственного отношения к процессу сотворения кошмарных мифов: меня, Зяму, дрожащего Ваню Горина и пару случайно залетевших мух. Для этого папуля вращал руками, как миксер винтом. Не оставил бы мисочку со сливками в кухне – успешно взбил бы крем.

– Кстати, Ванечка, я должна перед вами извиниться, вы были правы! – на секунду оторвавшись от пишущей машинки, сказала нам вдогонку мамуля совершенно нормальным голосом. – Похоже, привидения действительно бывают любого окраса!

– Даже в цветочек, – промямлил Ванька, сам в этот момент здорово похожий на бледный примороженный первоцвет.

Я критически посмотрела на него и поняла, что мне уже не очень хочется крутить роман с этой трусоватой бледной немочью. Привидения он испугался, нежненький какой! Мне бы его заботы!

Глава 3

Наутро выяснилось, что привидение редкого для призраков окраса «в цветочек», извиняюсь за пикантную подробность, нагадило на наш балкон. Аккуратную свежую кучку обнаружил папуля, выбравшийся на балкон с лейкой для полива декоративных растений и лопаточкой для пикировки земли в горшках. Лопаточка пригодилась, этим орудием балконного садоводства папуля аккуратно перенес кучку в самый большой горшок, предложив считать этот след жизнедеятельности некультурного призрака садовым удобрением. Однако, мне показалось, он остался недоволен тем, что мамулю посещают такие невоспитанные привидения. Папуля тихо, но твердо попросил супругу «внимательнее присматривать за своими гостями».

– И регулярно выгуливать их! – брезгливо морща породистый нос, поддержал папу Зяма.

Я воздержалась от замечаний. Будучи девушкой трезвомыслящей, я находила крайне маловероятной версию об испражняющемся привидении. Скорее уж грязный след оставила какая-то ночная птица – довольно крупная, если судить по кучке.

– Большая белая птица в розовый цветочек! – подхватил Зяма.

Беседу о злокозненно гадающих пернатых мы продолжали за завтраком. Аппетита это никому не портило: его и так не было. Папуля неосторожно приготовил на завтрак оригинальный салат, в котором в качестве заправки была использована кабачковая икра. Желто-коричневая масса густо обволокла кусочки прочих ингредиентов, и готовый салат имел цвет и консистенцию детской неожиданности.

– Может, это была сова? – предположил папуля, с грустью покосившись на нетронутый салат.

– Большая полярная сова, декоративно расписанная в пасторальном стиле – в цветочек! – поддакнул Зяма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.